

Հարգելի՛ ընթերցող.

ԵՊՀ հայագիտական հետազոտությունների ինստիտուտը, չհետապնդելով որևէ եկամուտ, իր կայքերում ներկայացնելով հայագիտական հրատարակություններ, նպատակ ունի հանրությանն ավելի հասանելի դարձնել այդ ուսումնասիրությունները:

Մենք շնորհակալություն ենք հայտնում հայագիտական աշխատասիրությունների հեղինակներին, հրատարակիչներին:

Մեր կոնտակտները՝

Պաշտոնական կայք՝ <http://www.armin.am>

Էլ. փոստ՝ info@armin.am

**ЦЕНТР РУССКО-АРМЯНСКИХ ИНИЦИАТИВ
СОЮЗ АРМЯНО-РОССИЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
И ВОЗРОЖДЕНИЯ**

Зарэ Мелик-Шахназаров

**ЗАПИСКИ
КАРАБАХСКОГО
СОЛДАТА**

**Воспоминания участника событий
1918–1920гг. в Нагорном Карабахе**

Москва – Ереван 1995

ПРЕДИСЛОВИЕ

Судьба моего деда, Зарэ Самсоновича Мелик-Шахназарова, неординарна, как и судьбы многих его ровесников-карабахцев. Он родился в 1903 году в семье коренных шушинцев и потомственных дворян Мелик-Шахназарянов, известных далеко за пределами Карабаха, Армении и даже России. Этот род дал России свыше 50-ти офицеров; в том числе и несколько генералов. Наиболее известен среди них стал, пожалуй, Андрей Павлович Мелик-Шахназаров, получивший в бытность свою поручиком Георгиевский крест из рук самого императора Николая II, дослужившийся впоследствии до командующего корпусом Красной Армии и... расстрелянный в 1937 году по приказу Сталина.

Наш род был также родом дипломатов. Давид Мелик-Шахназаров был личным другом Наполеона Бонапарта и его послом по особым поручениям и резидентом в Иране, а впоследствии — послом Персии во Франции, а Нариман Мелик-Шахназаров служил и погиб вместе с А.С.Грибоедовым будучи сотрудником Российского посольства в Тегеране.

Были в роду и ученые, писатели, инженеры, государственные служащие. Среди них мой прадед, Самсон-бек Мелик-Шахназарянец, известный инженер-путеец, построивший в Нагорном Карабахе несколько сохранившихся до наших дней инженерных сооружений и мостов для узкоколейки Евлах-Шуша, вошедшей в строй в 1913 году. Прадед учился и часто бывал за границей, свободно говорил на пяти языках, в том числе французском, немецком, турецком. В суровом для карабахцев 18-м году Самсон-бек был избран членом военного совета Временного правительства Нагорного Карабаха. Он погиб, получив смертельную рану в бою, в марте 1920 года.

✓ Дед, Зарэ Самсонович, 14-летним подростком вступил добровольцем в карабахскую армию и до 1920 года воевал на разных фронтах, защищая Арцах: в Бердадзоре, Шуше, Гадруте. Участвовал в составе карабахских частей в ликвидации Гянджинского мусаватистского мятежа. Получал боевые награды лично из рук генералов Дро (Драстамата Канааяна) и Нжде (Гарегина Тер-Арутюняна). Едва похоронив отца, оставшись старшим в

семье, 17-летний Зарэ уходил из сожженной Шуши, отстреливаясь, с оружием в руках, вместе с матерью, тремя братьями и двумя сестрами. Двое из семьи, малолетний брат и тетка погибли в родном городе. В первые годы советской власти дед был членом подпольной организации патриотов, приведших в исполнение приговоры азербайджанским и турецким военным преступникам. Пули народных мстителей настигали организаторов и исполнителей армянской резни в Баку, Гяндже (Гандзаке) и Тифлисе. В июле 1922 года дед участвовал в осуществлении казни в Тифлисе одного из лидеров младотурок Джемалья-паши, что упоминается в ряде изданий, за рубежом и в Армении (энциклопедия "Армянский вопрос", статья "Немесис").

В 1930-36 годах Зарэ Самсонович служил в ЗакЦИКе, затем вернулся в Баку, работал на строительстве Сумгаита. Призванный в годы войны в армию, он обучал стрелковому делу молодых офицеров, помогал готовить снайперов для фронта, работал во Всеобуче Азербайджана. Из членов семьи прекрасно владел оружием не только дед. Моя бабушка Анаит Мелик-Шахназарова (урожденная Мирзоян) была неоднократной чемпионкой Азербайджана по пулевой стрельбе, а после переезда в Армению стала победительницей первенства Армении. Вплоть до середины 70-х годов в доме деда всегда хранилось оружие — несколько отличных охотничьих ружей и даже пистолеты. Последние, конечно, нелегально.

С 1950 года и до самой смерти дед жил в Ереване. Несколько раз он начинал писать воспоминания о событиях 1918-1920 годов в Карабахе. Писал он по-русски. Но серьезно занялся этой работой лишь на девятом десятке своей жизни. Это случилось после его встречи с тогдашним министром иностранных дел Армении Джоном Киракосяном, известным историком, крупным знатоком армянской истории, который настоятельно советовал деду изложить письменно все увиденное и пережитое им в ту пору. Однако публикация даже части мемуаров в то время была невозможной. Лишь после 1988 года его статьи и отрывки из воспоминаний стали появляться в армянской и карабахской печати, в московской газете "Армянский вестник".

Дед беззаветно любил Карабах. Приезжая в родной Арцах, он без устали разъезжал по знакомым местам и селам, допоздна вел долгие беседы, рассказывал, вспоминал. В Арцахе его знали многие. Собеседники вдохновлялись его верой в свободу и счастливое будущее Карабаха, его уверен-

ностью в том, что Родина избавится от чужеземного ига. Он много раз обращался в Москву, требуя восстановления справедливости, воссоединения Арцаха с Родиной — Матерью Арменией. Его, уже очень старого, но крепкого физически и стойкого духом, приглашали в высокие партийные инстанции, просили "умерить свой пыл". Дед спорил, пытаясь убедить собеседников.

Неудивительно, что в первые месяцы карабахского движения его квартира на улице Гнуни (Кнунянца), что напротив стадиона "Динамо", превратилась в своеобразную штаб-квартиру, где днем и ночью шли обсуждения, споры, строились планы в отношении будущего Армении и Карабаха. Многие из лидеров карабахского движения, "заседавшие" в квартире деда, стали впоследствии депутатами, министрами. К сожалению, почти никого из них мне не довелось увидеть на похоронах Зарэ Самсоновича в январе 1992 года.

Дед скончался неожиданно, на 89 году жизни, став фактически одной из жертв блокадной зимы. Не меньше, чем от тягот блокады, он страдал от сознания того, что Шуша продолжает находиться под властью оккупантов и что с ее высот залпами из "Градов" в упор расстреливают карабахскую столицу — Степанакерт, где гибнут женщины и дети. Дед не дожил всего каких-то четырех месяцев до освобождения Шуши. Города, где он вырос, учился, стал боксером — чемпионом Восточной Армении. Города, который он защищал с оружием в руках будучи юным подростком. Уверен, что доживи дед до освобождения Шуши, он прожил бы еще лет на двадцать больше. Но холодная блокадная зима сделала свое дело... Люди, постоянно бывавшие у деда, а среди них было удивительно много молодежи, запомнили его оптимистом, верившим в возрождение Арцаха, милой его сердцу Шуши.

Зорий Балаян, который был в те тяжелые январские дни в Карабахе, узнав о смерти деда сказал: "С уходом Зарэ Самсоновича от нас ушла частица нашей истории".

Дед был удивительным человеком. Он всегда был готов помочь людям, подбодрить делом и словом, хотя душа его была весьма ранимой и поэтичной. Это легко почувствует читатель из приводимых ниже строк, написанных дедом "белым стихом" еще в 1968 году, единственных, кстати, стихов, которые я нашел в его бумагах.

Арсен Мелик-Шахназаров

КАРАБАХ

*Край мой, Родина моя,
Колыбель моя, Страна моя,
Ты самая хорошая.
Я родился в объятиях твоих,
Я воспитывался на груди твоей,
Я жизнь провел в суровых горах твоих,
Я с самых юных лет
Любовался красотой твоей, Карабах,
Прекрасный и любимый мой.
О, край мой родной,
О, Карабах мой родной,
О, родина прелестная моя,
О, страна суровая моя,
Ты самая красивая.
Ты оплот и опора Армении нашей,
Ты гордость и слава всех армян,
Ты осиротел и живешь вдали от матери,
Ты плачешь, но слезам твоим не внимлют,
Ты скорбишь в одиночестве, любимый мой.
Край мой, Карабах мой родной,
Колыбель моя, Страна моя,
Ты самая хорошая.*

1. ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО КАРАБАХА. ПЕРВЫЕ ВОЙСКОВЫЕ ЧАСТИ

После Февральской революции 1917 года политическая и общественная жизнь во всем Карабахе и прежде всего в его центре — Шуше сразу ожила. А вместе с ней многочисленные партийные и общественные группировки, которые во время войны явно снизили свою активность. Как мне помнится, в газетах стали часто появляться политические статьи; мнения высказывались совершенно различные. Словом, на страницах прессы велись политические диспуты и дискуссии.

Армянская интеллигенция Шуши проявила деловую заинтересованность в нормализации и улучшении жизни населения города и всего Карабаха.

Особенно энергичную деятельность развили политические группировки после того, как стало известно об Октябрьской революции в Петрограде. В армянской части Шуши в то время наиболее сильные позиции занимала партия дашнаков, а также имелись социал-демократы, меньшевики, большевики, эсеры, кадеты и другие. Что касается тюркской части городского населения, то там безраздельно господствовали мусаватисты. Их планы и цели уже тогда не составляли секрета для большинства армян: было ясно, что мусаватисты ждут не дождутся прихода турецких войск в Закавказье, чтобы уничтожить армянское население и установить свое господство в крае.

К концу 1917 года положение в Карабахе начало сильно ухудшаться. Уже тогда он, по сути, был практически отрезан от внешнего мира. Ввоз продуктов и товаров практически прекратился, с продовольствием стало тяжело. Многие дороги стали небезопасны.

В этих условиях, когда прежней власти уже не существовало, а новой еще просто не было, и к тому же политические события усложнялись, решалось само существование сотен тысяч людей. Кто-то должен был взять ответственность за них, и одна партия явно не смогла бы этого сделать. Сложившаяся ситуация потребовала сплочения вокруг общего дела, организации всех честных людей и патриотов без различия их политических взглядов и партийной принадлежности, создания коалиционного правительства, которое смогло бы возглавить армянское население края в сложной политической ситуации.

Необходимо было также, чтобы руководство карабахских армян было способно вызвать доверие к себе и проявить уважение к нашим соседям-мусульманам.

Вот почему еще 18 сентября 1917 года на квартире юриста Левона Вартапетяна состоялось совещание представителей разных партий, на котором было сформировано Временное правительство Нагорного Карабаха. В него вошли представители разных партий, и официально оно называлось Временным Советом партийных организаций. В Совете было 14 человек. Вот их имена:

1. Айрапет Мусаэлян
2. Анушаван Микаелян
3. Егише Ишханян
4. Арутюн Туманян (Тумян)
5. Асцатур Аветисян
6. Ашот Мелик-Овсепян
7. Левон Вартапетян
8. Николай Исаханян
9. Рипсиме Мелик-Овсепян
10. Арам Микаелян
11. Александр Мелкумян
12. Александр Цатурян
13. Арменак Каракозян
14. Меликсет Есаян

Председателем был избран Айрапет Мусаэлян, секретарем — Николай Исаханян (по профессии он был юрист).

При Временном правительстве существовал еще так называемый Военный совет, возглавляемый Тумяном. В него также входили следующие люди:

1. Полковник Арташес (Мкртумян). Это был очень дисциплинированный и строгий офицер.
2. Мелик-Шахназарянц Самсон Осеянович, мой отец, инженер-железнодорожник в чине капитана.
3. Капитан Айвазян Марди Айвазович, полный Георгиевский кавалер.

Так было создано Временное правительство Карабаха. С конца же 1917 года началось и создание карабахских войсковых частей, которое продолжалось и в следующем, 1918 году. Необходимо было готовиться к обороне от возможного вторжения турецких войск и азербайджанских мусаватистов. Однако существовала серьезная трудность в этом деле. Все дело в том; что Карабах уже тогда был фактически отрезан от окружающего мира. В начале 1918 года мусаватисты перерезали дороги, соединяющие Нагорный Карабах с Зангезуром, Баку, Тифлисом и Персией. Не было, естественно, и связи с Эриванью. Большая часть взрослых мужчин, пригодных к армейской службе, находилась в русской армии, на разных фронтах. В то же самое время в Эривани и других армянских городах на территории бывшей Российской империи происходило формирование армянских национальных воинских частей, как раз из тех солдат, которые служили в русской армии. Солдат направляли во вновь создаваемые части в основном с Западного фронта. Многие из них достигли Армении, часть застряла в России, значительное число было в Баку, где они и оставались, став впоследствии основной силой (70–80 процентов) войск Бакинской коммуны. Солдат для формирования карабахских войсковых частей не хватало. Поэтому в создаваемых частях было очень много молодежи — 16–18 летних юношей, и даже подростков более младших возрастов — 14–15 лет. Последние, впрочем, были исключительно добровольцами. В конце 1917-го я также вступил добровольцем в армию по обороне Нагорного Карабаха. Всего в годы военных действий в Карабахе наша армия насчитывала до 17 тысяч человек. В основном это были пехотные подразделения. Конница была немногочисленна; командовал ею кавалерийский офицер по фамилии Чикнаверян. В армии существовали и другие подразделения. Санитарные части состояли из женщин. Кроме того, был еще и женский боевой батальон.

Что касается вооружения, то армия в последующем имела до 15 тысяч винтовок Мосина — "трехлинейек" и иных систем; револьверов, пистолетов системы "Маузер", немецких. Было всего 6 русских станковых пулеметов "Максим". Позднее к этому вооружению прибавились и два артиллерийских орудия, отобранные у турок в Мсманинском ущелье.

Таковы, примерно, были численность и вооружение армии, оборонявшей Народный Карабах и армянский Гандзак (Елизаветполь-Ганджа-

* Автору мемуаров было в это время 14 лет (Здесь и далее прим. редакции.).

** Эпизод с захватом орудий описан в шестой главе настоящих мемуаров

Кировабад). Следует отметить, что были мобилизованы все ювелиры, оружейные мастера, механики, слесари, каменщики, плотники и т.д.

Около армянского базара в Шуше был выделен громадный дом — бывшая вилла одного из шушинских богачей — со многими комнатами и громадной верандой. Там оборудовали завод по производству патронов и отливке пуль. Ювелиры отливали из свинца пули с оболочкой из тонкой красной меди, а женщины и девушки на специальных машинах набивали патроны. Они даже проводили между собой соревнования — кто больше набьет патронов. Женщины помогали мастерам и в производстве бездымного пороха. Естественно, что на них во многом легли обязанности и по оказанию помощи всем войсковым подразделениям в плане обмундирования, обеспечения продовольствием и т.д.

В Шуше была создана специальная мастерская по изготовлению ручных гранат, а также и оружейная мастерская под руководством Григора Багдатьяна (Багдатьян).

В числе прочих служб, в войсковых частях Нагорного Карабаха существовали и политработники. Они сообщали личному составу подразделений и частей обо всех новостях политической жизни не только Карабаха но и всего Кавказского края, всей России. Ибо сведения, доходившие до нас ввиду оторванности края, были порой скудны и недостаточны. Политработники читали нам газеты, рассказывали о ходе боевых действий на фронтах. От них мы узнавали о конференциях Временного правительства Карабаха, съездах населения, принимаемых там решениях; об ультиматумах турецко-мусаватистского командования.

Солдаты наши — в основном молодые парни 16–20 лет — очень мало знали о событиях в Западной Армении в 1915–18 годах. Мы слышали о Большой резне, но подавляющее большинство нас не имело представления о ее масштабах и последствиях. Наши политработники рассказывали нам и об этом, призывая нас не верить ни одному обещанию турецко-мусаватистского командования, которые уже не раз обманым путем обезоруживали армян, а потом уничтожали их. Нам говорили: чтобы не быть вырезанными как бараны, нужно ни в коем случае и ни при каких обстоятельствах не складывать оружия, а воевать с турками, не давать им издеваться над нами. Об этом же говорили и многие офицеры, — а они в основном были кадровыми, принимали участие в боях с турками на Кавказском фронте в 1914–1917 годах и сами видели зверства турок в Западной Армении. Кстати интересно, что в наших частях, в отличие, например, от частей армянской национальной армии, не употреблялось слово "госпо-

дин" в обращении к офицерам. Мы обращались к ним "ынкер", то есть "товарищ". Например "ынкер поручик". Именно так, а не "господин поручик", "господин штаб-капитан" и т.д...

...Наверное, мы выстояли в 1918–1920 годах не в последнюю очередь благодаря тому, что были сильным духом, что подавляющее большинство из нас и в мыслях не могли допустить возможности разоружения и подчинения мусаватистскому правительству, что было бы равносильно смертному приговору для карабахских армян. Кроме того, наша убежденность помогала нам легче переносить крайне тяжелое положение, сложившееся как в частях, так и в самом крае. Ведь на протяжении всех лет войны у нас не доставало продуктов питания, не было в достатке обмундирования, оружия и боеприпасов.

2. КАК БЫЛА СНЯТА "ГОЛОДНАЯ БЛОКАДА"

В конце 1917 — начале 1918 года азербайджанские мусаватисты вместе с турками развернули свою шовинистическую деятельность, направленную на изгнание русских из Закавказья и уничтожение армянского населения. Елизаветпольская губерния была наполнена переодетыми турецкими эмиссарами, которые повсюду помогали местным тюркским националистам организовывать вооруженные отряды и банды для нападения на уходящие с Кавказского фронта русские войска и мирное армянское население. Силы мусаватистов и турок постепенно парализовали движение на железных дорогах и прочих путях сообщения. Дороги стали крайне опасными для проезда. Нападения особенно участились после того, как на станции Шамхор банды мусаватистов учинили в январе 1918 года кровавую расправу над тысячами русских солдат, возвращавшихся эшелонами домой, в Россию. В результате этой бойни тысячи солдат были убиты, а их вооружение — 15 тысяч винтовок, пулеметы, орудия и огромное количество боеприпасов — досталось мусаватистам, которые тут же вооружили новые банды. Во всех уездах губернии начались опустошительные набеги на армянские села и деревни.

Тяжелое положение сложилось и в Карабахе. Отряды мусаватистов и турок практически блокировали не только Шушу, но и весь Нагорный Карабах. Караваны, которые до этого регулярно шли в город и из города в

разных направлениях, подвергались нападению и разграблению. В Шуше начался голод. Людям нечего было есть, и хотя из окрестных деревень подвозили кое-что, но этого было явно недостаточно, чтобы прокормить население. На улицах у жителей города участились голодные обмороки, несколько позже бывало, что ослабевшие люди падали прямо на улицах и умирали. При мне таких случаев было несколько.

На все предложения Временного правительства Карабаха об открытии дорог мусаватисты отвечали отказом.

Видя такое положение, Временное правительство приняло следующее решение: армянским войсковым частям наглухо закрыть крепость Аскеран и не давать прохода тюркским обозам в Шушу, вернее — в татарскую часть города.

Тогда начался голод в тюркской части Шуши. Если армянам хоть что-то привозили из близлежащих армянских сел, то тюркам практически неоткуда было получать продовольствие, ибо вокруг Шуши, где они по преимуществу жили, тюркских сел практически не было. Так что голод в тюркской части города был еще более сильным, чем в армянской.

Тут уже забеспокоились мусаватистские власти. Видя, что шушинским тюркам угрожает вполне реальная перспектива голодной смерти, мусаватисты стали добиваться урегулирования вопроса путем личных контактов.

Одним из тех влиятельных людей, через посредство которых мусаватисты пытались уладить дело, была Гамида-ханум Дживанширова. Это была весьма любопытная особа. Очень богатая женщина, Гамида-ханум была единственной татаркой (тюрчанкой), проживавшей собственно в городе, то есть в армянской части Шуши. Она жила неподалеку от нашего дома, хорошо знала моих родителей и даже часто заходила к нам, проводя свободное время вместе с членами нашей семьи. Зная, что отец занимает пост в Военном совете, она решила попытаться уладить через него вопрос о подвозе муки в Шушу.

Как-то Гамида-ханум пришла к нам в дом и долго говорила о чем-то с отцом. Вскоре отец поставил вопрос о подвозе муки на рассмотрение Временного правительства. После непродолжительных совещаний члены правительства решили отныне пропускать караваны в Шушу, но со следующим условием: 85 процентов муки будет получать армяне (естественно, не только шушинские), а 15 — тюрки. Армянские же части открывали Аскеран для движения караванов с мукой.

Вообще, скажем еще раз, что Гамида-ханум была весьма интересной особой. До войны она практически всегда жила в армянской части города, в богатых армянских домах, которые большую часть года пустовали, ибо хозяева жили где-нибудь в России, в Баку, Тифлисе, а то и за границей, приезжая на свои виллы лишь летом или иногда по делам. Гамида-ханум имела свое дело: ее арбы привозили до войны муку из Джеванширского района. Муку она реализовывала в армянской части и вообще вела дела в основном с армянами.

Она была аристократкой и удивляла армян тем, что постоянно посещала театры, кинематограф, клубы, бульвар, цветник, вечера и т.д.. То есть, делала то, что было строжайшим образом запрещено женщинам по мусульманским законам, и чего другие тюрчанки, пусть даже богатые, делать не могли. Да и вообще, все культурные учреждения были сосредоточены в армянской части города, в тюркской не было ни кинотеатров, ни клубов, а тюрчанки жили практически, не выходя за пределы татарской части Шуши.

Так и жила она среди армян вплоть до трагического дня 23 марта 1920 года, когда город был сожжен. Что с ней стало? Точно могу сказать, что ее в тот день никто из армии не тронул. В день пожара и гибели города пятерка Норайра отступая как раз проходила мимо дома, где она тогда жила. Она два раза меняла место жительства, и последний раз проживала на вилле одного армянского богача, фамилию которого я не помню, но дом его находился возле пури-лаваша известного всем шушинцам Худи-Дан.

Помню, тогда, в 1918, и впоследствии, среди армян Шуши ходили слухи, будто Дживанширова — мусаватистская шпионка, однако это, скорее всего, были слухи. Во всяком случае, они не подтвердились, ибо армяне одно время установили за ней тщательную слежку, но никаких улик за ней обнаружено не было. Видимо, никакой шпионкой она и не была, — просто богатая особа, выделявшаяся своим образом жизни из числа прочих тюрчанок.

Вот то, что касается попытки задушить Шушу голодом в начале 1918-го и срыва этого плана мусаватистов.

* В описываемое время татарки и тюрчанки называли азербайджанцев

3. МУСАВАТИСТЫ ГРОМЯТ И РАЗОРУЖАЮТ В АГДАМЕ РУССКИЙ ОТРЯД

В марте 1918 года мы услышали весть, которая возродила в наших сердцах чувство уверенности в будущем. Как нам сообщали, из Персии, через реку Аракс, по Худаферинскому мосту переправился крупный отряд русской армии. Он вступил на территорию России и направляется в Шушу. Ликованием шушинцев, да и вообще всех армян Карабаха не было границ. Еще бы: в столь критический момент, когда в разных районах Карабаха и на его границах уже шли боевые действия между армянскими войсковыми частями Карабаха и турецко-мусаватистскими отрядами, русский отряд мог бы помочь нам, особенно вооружением, которого совершенно не хватало.

Отряд вошел в Шушу и окрестные села, где был радушно встречен армянами. Наступала Пасха. Вскоре стало известно, что через 5-6 дней после пасхальных празднеств отряд отправится дальше на север — в Россию, по домам.

Узнав об этом, Временное правительство Нагорного Карабаха обратилось к русским солдатам и офицерам со следующим предложением: передать все имеющееся вооружение и боеприпасы армянским частям, взамен чего армяне переправят отряд туда, куда его командование пожелает. Причем армяне обещали, что если в этом будет необходимость, наши части с боем откроют дорогу через позиции противника и русские солдаты смогут вернуться домой без потерь.

Однако командование русского отряда отказалось от этого предложения, заявив, что в таких услугах не нуждается, ибо если это и понадобится, отряд сам проложит себе дорогу с оружием в руках, и пусть кто посмеет их тронуть. Офицеры не хотели оставить нам даже запасное оружие, которое стало бы лишней тяжестью для отряда, если действительно пришлось бы пробиваться с боями.

Я великолепно помню спор, который возник на собрании представителей наших офицеров и солдат с членами Временного правительства. Поскольку русские не хотели отдавать нам оружие, даже запасное, молодежь

* Через Худаферинский мост проходит кратчайшая дорога из Карабаха в Иран.
** Отряд входил в состав радзайского экспедиционного корпуса в Иране (1914-1918 гг.)

требовала разоружить весь отряд, напоив крепкими напитками солдат и офицеров в день Пасхи. Некоторые угрожали взрослым товарищам: "Если нам не дадут хотя бы запасного оружия, мы силой обезоружим отряд в крепости Аскеран, которую они никак не минуют на своем пути".

Но председатель Временного правительства Айрапет Мусаелян и мой отец, член Военного совета Самсон Мелик-Шахназарянц и член правительства Артем (Арутюн) Тумян убеждали всех, что этого делать нельзя, ибо русские — наши братья по оружию. Они говорили, что этого допустить нельзя и старались успокоить недовольную молодежь.

Помню, взял слово командир нашего кавалерийского эскадрона Чикнаверян. Он раздраженно кричал, что поведение русских офицеров — это нахальство высшей степени, ибо они не хотят нам оставить никакого вооружения. А ведь только их запасным оружием мы можем вооружить 3000 бойцов. "Почему же они не думают о своих братьях по оружию — о нас? — возмущался Чикнаверян. — Ведь у них в обозе нетронутые еще винтовки, станковые пулеметы, ручные пулеметы Льюиса, орудия, горы боеприпасов и многое другое!"

Потом выступал мой отец. Он говорил, что если мы силой разоружим русских, то, по сути дела, примем предложение турок, которые требуют разоружения русских солдат, возвращающихся домой. "Это уже сделали мусаватисты и грузинские меньшевики в Шамхоре, но мы на это пойти не имеем права, — говорил он. Раз так, то мы должны с честью проводить их до границ Азербайджана, а дальше — Бог с ними!" — закончил отец.

Примерно так же высказывался и Мусаелян. "С горячей головы ничего делать нельзя, молодежь должна послушать взрослых, — говорил председатель. — Ведь дашнакские руководители в Эриванской губернии не пошли на это, когда возвращались на родину русские части, и мы не должны. Поймите, товарищи, что это на руку лишь туркам!" Он говорил, что мы не должны уподобляться мусаватистам и меньшевикам. Как известно, меньшевики послали свой бронепоезд для помощи мусаватистам при разрезе русских войск в Шамхоре 9-12 января.

* Встречающиеся разночтения в окончаниях фамилий автора и его родственников объясняются тем обстоятельством, что в то время как на гражданской службе фамилии обычно сохраняли свои исконные формы (Мелик-Шахназарянц, — ян), то в русской армии фамилии офицеров нерусского происхождения обыкновенно видоизменялись на русский лад (окончание "ов" отмечено в офицерских послужных списках всех родственников автора). Автор мемуаров в 40-х годах жил в Баку, и при выдаче партийных документов окончание его фамилии было произвольно изменено на "ов".

Потом выступил штаб-капитан Сагателян. Вот что он сказал: "Уважаемые товарищи, не забудьте, что спасение русских от неминуемой гибели только в том, чтобы сдать оружие нам. Но они не соглашаются. Значит, мы должны напоить всех их и оружие отобрать, а потом они сами согласятся с нашим предложением провести их под охраной до железной дороги. Там мы их отправим на эшелонах в Россию, а сами заодно поможем Бакинским товарищам".

Потом говорил Артем (Арутюн) Тумян. Он согласился с Сагателяном, что спасение русских — в сдаче оружия нам, а тупоголовые офицеры отряда этого не хотят понимать. "Но если даже мы их обезоружим бескровно, но против воли, — считал Тумян, — то это все равно будет насильем, а пойти на это мы никак не можем". Снова выступал мой отец, повторив то же, что и Тумян, и добавил: "Мы будем провожать их как братьев и должны строго-настрого предупредить, чтобы они не поддавались на обманы и обещания мусаватистов и турецких эмиссаров. Затем он сообщил, что снова был разговор с высшими офицерами, пытались склонить их к сдаче оружия за вознаграждение, но те отказались, за исключением одного полковника, который был "за".

Тем дебаты и кончились. Через несколько дней пятитысячный русский отряд двинулся в сторону Агдама, увозя с собой все вооружение и боеприпасы. Как выяснилось позже, он шел навстречу ловушке, устроенной мусаватистами.

Когда отряд прибыл в Агдам, появились мусаватисты и турецкие эмиссары, которые стали уговаривать офицеров продать им все вооружение за большой чемодан с золотом. (Обо всем этом рассказал позже один из уцелевших офицеров русского отряда — подполковник). Высшие офицеры, подумав немного, согласились на это. Против был один полковник, — тот самый, что был согласен оставить оружие нашим. Он предлагал другим своим товарищам немедленно вернуться обратно в Аскеран и передать оружие армянам, о чем и оповестить последних в срочном порядке.

К тому же офицеры были сбиты с толку устроенным им пыльным приемом. Мусаватисты не пожалели средств, чтобы задобрить высших офицеров.

Так они и договаривались с мусаватистами. После сдачи оружия и получения золота, высшим офицерам отряда было сообщено, что до станции Евлах отряд отправится своим ходом, а по дороге им будет обеспечено питание на заранее организованных пунктах. В Евалахе же отряд будет

получать специальные пайки до тех пор, пока солдатам не подадут эшелон в сторону Баку или Тифлиса, как они пожелают.

На второй день пребывания в Агдаме офицеры отряда были приглашены мусаватистами на банкет. Один из офицеров — полковник, что был против сдачи оружия туркам, неожиданно исчез. Примерно 150 офицеров, при личном оружии явились на банкет в хорошем настроении. Начался кутеж. Тем временем командование мусаватистов организовало нападение на гостиницу, утащив из номера чемодан с золотом и оставив несколько убитых солдат и младшего офицера, из числа тех, кто охранял золото. После банкета, узнав о нападении, четверо высших офицеров отряда явились к командованию мусаватистов и заявили решительный протест в связи с разбойным нападением на гостиницу. Эти четверо исчезли так же и таинственно, как и предыдущий "неуступчивый" полковник. Только тогда оставшиеся русские офицеры поняли, в какую ловушку попали. Они срочно решили возвратиться в Аскеран, предварительно направив туда одного из своих товарищей с сообщением.

Впрочем, вернуться смогли далеко не все. Часть из офицеров и унтеров, — особенно пулеметчиков и артиллеристов, — была насильно призвана азербайджанскими мусаватистами на военную службу под угрозой смертной казни. Другая часть все же отправилась со своими солдатами в сторону Евлаха, и по дороге многие из них, безоружные, были зарезаны бандами мусаватистов и закопаны в землю или сброшены в колодцы... Те, кто смог вырваться и незаметно уйти из Агдама, быстро направились в сторону Аскерана. Заметив их исчезновение, турки бросили им вслед кавалерийский отряд, приказав зарубить всех до одного, лишь бы они перешли на армянскую территорию. Но до нас уже дошла весть о том, что произошло в Агдаме, и навстречу пробирающимся к нам офицерам был выслан эскадрон Чикнаверяна.

Наши кавалеристы подоспели вовремя: мусаватистские конники уже настигали бегущих изо всех сил офицеров, раздавались выстрелы и крики. Эскадрон Чикнаверяна неожиданно контратаковал растерявшихся кавалеристов противника и после непродолжительной схватки погнался на них прочь. Те, впрочем, успели зарубить нескольких офицеров.

После бегства неприятельского отряда кавалеристы довели спасенных до Аскерана, туда же привезли убитых и раненых.

Спасенные офицеры благодарили нас и проклинали мусаватистов и своих тупоголовых старших командиров, которые и сами пропали и людей своих сгубили зазря.

Вскоре спасенные пришли в себя и некоторые из них отправились пешком, через армянские деревни Елизаветпольской и Тифлисской губерний в сторону Тифлиса. Как их приняли меньшевики, нам неизвестно. Нашлись офицеры, которые изъявили желание служить в наших частях, чему мы были рады, ибо офицеров у нас совершенно не хватало. Они честно воевали плечом к плечу с нашими солдатами и офицерами вплоть до 1920 года. Кто-то из них погиб в боях, кто-то выжил, а какова дальнейшая судьба последних, мне неизвестно.

Таким вот образом, мы потеряли возможность приобрести большое количество столь нужного нам оружия. А наши враги, наоборот, получили горы оружия и боеприпасов. Кроме того, на службе у них прибавился опытный офицерский состав: артиллеристы, пулеметчики и группа пехотных офицеров, то есть все те, кого они силой заставили служить себе, или кто добровольно согласился на это.

Это событие очень осложнило положение армян Карабаха и усилило мощь наших противников. Мы были крайне подавлены случившимся, зная, насколько тяжело нам придется теперь, имея перед собой хорошо вооруженного и жестокого врага, ставившего перед собой цель поголовно уничтожения армянского населения Карабаха и других районов Елизаветпольской и Бакинской губерний.

4. НАСТУПЛЕНИЕ НА ЗАРЫСЛУ

С большими трудностями и опасностями пришлось столкнуться моему дяде — полковнику Мелик-Шахназарянцу Михаилу Осиповичу, который командовал отрядом, везшим обмундирование, оружие и боеприпасы для шушинского полка. Обоз пробирался через горные перевалы Армении из Тифлиса в Горис. Путь пролегал по берегам высокогорного озера Севан, дороги в тех местах были труднопроходимыми и небезопасными.

Когда отряд прибыл в Горис, полковник написал несколько писем Временному правительству Карабаха, в которых просил помощи для доставки привезенного имущества в Шушу. Однако никакого ответа не поступало. Михаил Осипович заподозрил неладное. Дело в том, что письма подписывал он сам и комиссар отряда Овак (Оваким). Доверием у командира Овак не пользовался, все время спорил с дядей, пытаясь показать, что он стоит

выше его по своему положению. У полковника были все основания полагать, что непонятное исчезновение писем — дело рук комиссара.

Нельзя было больше упускать время. Ведь у Временного правительства создавалось впечатление, что полковник не хочет с ним считаться и не намерен доставить оружие по назначению.

Обеспокоенный Михаил Осипович решил написать письмо своему брату, то есть моему отцу, втайне от своего комиссара и послать его с одним из верных бойцов. Так он и сделал, и письмо вскоре дошло до адресата. Получив письмо брата, отец представил его на заседание правительства, члены которого сразу поняли, почему отсутствует связь с полковником.

Вот содержание письма дяди к отцу. Это письмо я хранил как зеницу ока, но оно сгорело в моем доме в Шуше 23 марта 1920 года, в день гибели города. Однако я хорошо помню, что в нем было написано:

"Дорогой Самсон джан! Прошу тебя срочно и лично передать запечатанный конверт, который ты найдешь в письме, Временному правительству Нагорного Карабаха.

Все письма, которые я посылал раньше, подписанные мной и комиссаром Оваком, не доходили по назначению, — по всей вероятности, этот подлец и вредитель уничтожал их. Теперь я посылаю через верного человека, зная, что письмо наверняка дойдет до тебя.

Еще раз прошу лично передать конверт правительству, там все подробно и коротко написано. Старайтесь срочно отправить 300 арб с хорошо вооруженным отрядом для перевозки всего имущества и вооружения, принадлежащего шушинского полку. Еще 300 арб мы получим здесь, на месте.

Читай интересный случай: вчера, когда я выходил из туалета, без оружия, сын вашего соседа Пел-Танунц Николай направил на меня дуло винтовки и сказал: "Если ты сейчас же не прикажешь отпустить домой всех бойцов моего отделения, я тебя пристрелю!" Когда же я на него закричал, дескать кого он хочет убить, сопляк этакий, и направился в его сторону, он мгновенно опустил ствол винтовки в землю и стал как вкопанный. Позже, в моем кабинете он сознался, что его подучил комиссар Овак. Когда приеду в Шушу, с этим мерзавцем рассчитаюсь...

Поцелуй детей и скажи: дядя Мухан сказал, — придет и всем привезет подарки. А Зарэ скажи, что я ему привезу свой карабин с pistolетным ложе, модернизированным прицелом и мушкой, с согнутой затворной рукояткой, какой он просил.

Целую всех крепко-крепко. Ваш Мухан* с получением письма полковника Мелик-Шахназарянца, переданного на заседание моим отцом, Временное правительство срочно мобилизовало из близлежащих сел 300 арб и выделило отряд из 300 солдат и офицеров. Командиром отряда назначили майора Марди Айвазяна. Кстати, этот офицер был родным дядей Нельсона Степаняна — в будущем известного летчика-торпедоносца, командира полка балтийской морской авиации, прославившегося в Великую Отечественную войну и ставшего дважды Героем Советского Союза (второй раз — посмертно). Тогда будущему асу было всего 5 лет.

Мой отец был назначен начальником штаба отряда. Отряду было приказано двигаться с боями в село Карагишлаг на соединение с зангезурскими частями, чтобы принять и доставить в Шушу все вооружение, находящееся в Горисе. Сделать это было совсем непросто, ибо турецко-мусаватистские части отрезали район Карагишлага как от Шуши, так и от Зангезура. Нужно было прорвать неприятельскую оборону в районе укрепленного села Зарыслу, что между Шушой и Карагишлаком. Эта полоса была укреплена неприятелем, а с противоположной стороны — между Карагишлаком и Зангезуром — тоже находились части противника. Так что нужно было преодолеть двойной заслон турок и соединиться с зангезурскими частями. Те же войска, которые находились в Карагишлаге, должны были идти на соединение с шушинским отрядом и одновременно сдерживать натиск со стороны зангезурской группировки противника. Штаб шушинского отряда состоял из четырех офицеров и четырех бойцов. В это время я находился во втором отделении первого взвода отряда и должен был направиться в свою часть. Когда я обратился к отцу с этим сообщением, он сказал, что я поеду с ними, и что мой командир об этом предупреден, так что беспокоиться нечего.

Наступление на село Зарыслу началось одновременно с двух сторон — со стороны Шуши Карагишлага — по договоренности с карагишлагцами. Это было полной неожиданностью для турецко-мусаватистского командования, ибо они не могли предполагать, что карагишлагцы смогут ударить по их тылу, находясь между двумя вражескими линиями. Но 400 бойцов карагишлагской группы ударили в тыл мусаватистам одновременно с шу-

* Мухан — домашнее имя Михаила Осиповича Мелик-Шахназарянца.
** Тюркское название Бердадзора — группы армянских сел в Шушинском р-не НКР вблизи от дороги Шуша-Лачин-Горис. (Не путать с с. Каракишлаг Лачинского р-на)
*** Зарысла (Зарислу) — село в Шушинском р-не на дороге Шуша-Лачин-Горис примерно посредине между Шушой и Лачином.

шинским отрядом и, несмотря на все усилия неприятеля отбить атаку, сделать это им не удалось. В результате удара в тыл левый фланг мусаватистов был изрядно помят и отброшен вправо.

После отступления противника мы насчитали по обеим сторонам шоссе 32 трупа. Из них 6 аскеров и один офицер были турки, а остальные — местные тюрки, дагестанцы и курды. Убитых можно было отличить по одежде и оружию. В частности, турки были вооружены немецкими винтовками системы "Маузер", а все прочие — а все прочие — русскими "трехлинейками". Вообще, надо сказать, неприятельские отряды были в основном смешанными. Для воодушевления мусаватистских частей, которые состояли не только из тюрко-азербайджанцев, но и из представителей других мусульманских народностей, турецкое командование включало в них турецких офицеров и аскеров (солдат).

Буквально через 10-15 минут после того, как карагишлагцы смяли левый фланг мусаватистов, бойцы нашего отряда пошли в атаку, навязав противнику ближний бой. Они вышли на врага в штыки. Это явно не понравилось неприятелю, особенно мусаватистам. Надо вообще сказать, что как турки, так и мусаватисты очень не любили ближнего боя, предпочитая вести огонь из стрелкового оружия и пулеметов. По опыту русско-турецких войн всех времен, турки боялись русских штыковых атак, а поскольку армяне служили в русской армии, то ближний бой был у них неплохо поставлен. Поэтому очень часто заслушав наше "Ура!" и увидев перед собой наших бойцов со штыками наперевес, турки и мусаватисты предпочитали ретироваться, прикрывая отход огнем из винтовок. Так было и на этот раз: солдаты противника сразу же стали беспорядочно отступать в сторону так называемого "Курдистана" — так назывался район, где проживало немало курдов (ныне эта местность входит в Лачинский район Азербайджанской ССР, и сейчас там основное население курды, однако все они записаны азербайджанцами и в спешном порядке ассимилируются бакинскими властями. Они даже не имеют своих школ).

В этом быстротечном бою шушинский отряд имел девять раненых, из коих четыре тяжелых, и один зинвор (солдат) погиб. Во время перебежки из одного укрытия в другое он прыгнул, причем приклад его карабина ударился об землю, а поскольку курок стоял на боевом взводе, то раздался выстрел, и пуля, пробив подбородок, вышла через левое ухо.

Что же касается карагишлагцев, то они потеряли 16 человек ранеными и 6 убитыми. Противник же в обоих столкновениях потерял значительно больше людей, однако точное число вражеских потерь мне было неизвестно.

Когда шушинцы и карагишлагцы соединились, отец позвал к себе командуемых обоими отрядами — Марди Айвазяна и Египше, — поблагодарил их, поцеловал обоих и сказал: "Кецце!"* — Мы вошли в Карагишлаг, куда из соседних сел приехало на митинг немало армян. Все молча сидели и слушали речь, которую произнес отец. Перед речью он попросил всех встать на одну минуту в знак памяти наших погибших бойцов. Люди, как один встали, женщины плакали, плакали и дети шестерых погибших карагишлагцев. А потом отец торжественно поблагодарил всех бойцов и офицеров, сказав в заключение: "Да здравствуют наши офицеры и солдаты!"

5. НАСТУПЛЕНИЕ В СТОРОНУ ЗАНГЕЗУРА И ЕГО ПРОВАЛ. МЫ ОСТАВЛЯЕМ КАРАГИШЛАГ

После двухдневного отдыха наших солдат в Карагишлаге началась подготовка к наступлению на местечко Забух с целью прорыва через Забухский мост и соединения с зангезурскими частями. Полоса между нами и зангезурцами была сильно укреплена турко-мусаватистами и нам предстояли более серьезные боевые действия. Правда, в тылу противника находились зангезурские части, довольно многочисленные и неплохо вооруженные по сравнению с нашими двумя отрядами. Зангезурцы должны были ударить его мусаватистам в тот самый момент, когда начнется наше наступление.

Еще в день занятия Карагишлага после митинга отец вызвал меня к себе и в присутствии майоров Айвазяна и Египше сказал мне следующее: "Ты, маленький историк, участвовать в боях не будешь. Возьми мой планшет, — там есть и бумага, и карандаш, и ручки, — и будешь брать на заметку все, что увидишь и услышишь, только все в точности. А что будет неясно, спросить; в помощники тебе — я, дядя Марди и Египше. Только напишешь все в точности, без искажений. Понял?" "Да, айрик,** все понял", — сказал я. Внутренне я очень переживал, что отец перевел мне остаться при штабе, видимо, жалея 15-летнего мальчишку в преддверии жестоких боев. Одна-

ко мис от этого было отнюдь не легче: для меня было очень неприятным ударом, что отец велит мне оставаться в штабе и иметь дело не с оружием, а с бумагой и карандашами. Тем не менее, противиться отцу было бесполезно; зная его строгий и непоколебимый характер, я не стал возражать...

Наступление на Забух началось через пять дней после занятия Карагишлага. В назначенный час ночью наши люди разожгли громадный костер на горе у села Карагишлаг; то же сделали зангезурцы у села Тэг. Это было сигналом к началу наступления на Забухский мост.

В короткое время зангезурцы разгромили сильный заслон турецко-мусаватистских частей и стали быстро продвигаться вперед, взяв три села.

В то же время наш отряд, пополненный новыми солдатами из армянских сел, и насчитывавший уже 1250 солдат и офицеров, с боями продвигался в сторону Зангезура. Вдруг наша разведка принесла крайне странное и неприятное известие. После занятия частями зангезурцев трех тюркских сел наступление их внезапно приостановилось. Более того, зангезурские войска внезапно отошли на исходные позиции, оставив на позициях только одну роту Шушинского полка, составлявшую лишь одну двадцатую часть зангезурских сил. Позже эта рота тоже начала отход на исходные позиции.

Наше командование недоумевало: что же случилось, ведь наступление развивалось столь успешно? Однако дальнейшее наше продвижение стало невозможным. Штаб приказал войсковым частям прекратить наступление и организованно закрепиться на своих позициях вплоть до выяснения причин внезапного отступления зангезурцев и получения новых распоряжений командования. Наш отряд остановился, солдаты стали занимать оборонительные позиции.

Тем временем, командование противника, убедившись, что их тылу ничто не угрожает, а натиск карабахцев ослаб, перегруппировало свои силы, бросив сколоченный кулак из всех своих войсковых частей в нашу сторону. Нашим пришлось нелегко, но они не дрогнули, и все атаки врага были отбиты с большими для него потерями. Отряд долго держался, пока не поступил новый приказ из штаба: начать тихий и организованный отход.

* (Кецце) — село в Горисском р-не Армении на дороге Горис-Лачин-Шуша, посредине между Горисом и Лачином.

** Забухский мост — мост у с. Забух через р. Акара, отделяющую Зангезур от Карабаха.

* Кецце (арм.) — дословно. Да здравствует, здесь — "малыш!"

** Айрик (арм.) — отец

Мой отец все это время крайней нервничал, ходил взад-вперед, тихо бормотал что-то.

Потом он сел за стол и начал писать приказы по частям. Закончив их, он передал все три экземпляра трем "сороходам", уже час назад пробившим в штаб. Отец велел любой ценой доставить приказы командирам и вернуться обратно с подтверждением об их получении.

Затем Самсон Осипович вызвал вестового Рубена и приказал позвать "сороходов" из семи ближайших армянских сел. Когда те явились, отец сказал им, чтобы они передали в свои села письма для срочного исполнения. После ухода всех гонцов отец угрюмо посмотрел на меня и спросил: "Ты все, что случилось, берешь на заметку?" Я ответил утвердительно. После чего отец сел за стол, положил голову на руки и ненадолго заснул. Ведь за минувшую ночь он не спал ни минуты.

В приказах по карагишлагским селам было сказано: немедленно и быстро собраться, погрузить имущество на арбы и отступать к Шуше. Дома оставить пустыми, но не сжигать. Эти приказы были исполнены в срок. А 300 арб нашего отряда были распределены между семью селами, которые имели и свои транспортные средства.

Турко-мусаватисты, почувствовав, что положение резко изменилось, усилили нажим. Они хотели прорвать нашу оборону, выйти к селам Карагишлага и вырезать все население, как они обыкновенно практиковали. Но наши части не давали врагу быстро продвигаться, контратаковали, нанося мусаватистам большие потери — словом, задерживали врага, чтобы дать возможность населению эвакуироваться без потерь.

Когда эвакуация прошла успешно, стали отходить и наши части, одновременно прикрывая беженцев и не давая турко-мусаватистам быстрее продвигаться.

Последним покинул Карагишлаг наш штаб: пятеро офицеров, включая отца, Егише и Марди, четверо бойцов—"сороходов" и я. Все десятеро были верхом.

Не торопясь ехали мы по шоссе-дороге. Время от времени появлялся очередной вестовой и сообщал офицерам донесения об организованном отходе той или иной группы отряда.

Отец радовался, что все идет по плану, но в тоже время и нервничал.

Наконец, он остановил коня и спросил, почему опаздывает штаб-капитан Наринян со своими четырьмя разведчиками. Они были посланы на центральный участок обороны с каким-то неизвестным мне заданием. Отец все смотрел назад, туда, откуда мы только что приехали. Минут

через десять послышался цокот копыт. Отец прислушался и сказал, что это, наверное, штаб-капитан, однако тут же засомневался и мгновенно вытащил свой маузер из кобуры-приклада. Вслед за ним вытащили оружие и все остальные, но никто не стрелял. В темноте показалась группа всадников, и тут же мы услышали крики "ура" и ругань на армянском языке. На дороге началась рубка, — это наши разведчики неожиданно напали сзади на ту самую группу всадников. Оказалось, десятеро показавшихся всадников были турецкими разведчиками.

Схватка закончилась так же быстро, как и началась. Вмиг все десятеро были зарублены и упали с лошадей. Один был тяжело ранен, он лежал на земле и стонал; остальные же были мертвы — наши разведчики были очень опытными в подобных рубках. Отец приказа привести раненого на допрос.

Вражеский разведчик рассказал, что мусаватистское командование послало разъезд с заданием захватить отходивший штаб. О нашем отходе враг узнал от старого пастуха-курда в Карагишлагге. Он остался в селе и сообщил туркам, что штаб за один час снялся с места и уехал.

Пленный вскоре умер, — он был тяжело ранен. Все оружие мы собрали и взяли с собой, навьючив на семь лошадей, доставшихся нам. Остальные три коня убежали, и мы их в темноте не нашли.

В селах Карагишлага не осталось даже кошек, все было перевезено в Шушу без потерь. За это надо отдать должное всем бойцам и офицерам отряда. Их организованность, дисциплина и мужество позволили сельским жителям с их имуществом спокойно отступить и благополучно добраться до Шуши.

Кстати говоря, хочется сказать и вот о чем. В выходящих в настоящее время в Баку "исторических работах", когда речь заходит о тех далеких временах, все наше командование и наши руководители всячески обливаются грязью, поносятся как "Дашнаки, угнетатели местного тюркского (азербайджанского) населения". При этом (так делает, например, Ф.Шушинский, в своей книге "Шуша") некоторые авторы утверждают, что турецкие оккупанты чуть ли не освобождали Карабах. Хочется спросить этих горе-историков: как же так получается, что армяне, составлявшие подавляющее большинство населения Нагорного Карабаха (свыше 90 процентов), понесли в годы войны с 1918 по 1920 годы огромные потери — пятую часть населения, а местные турки-азербайджанцы пострадали в значительно меньшей степени? В конце концов, кто же был агрессором — турецкие войска и помогавшие им банды мусаватистов или армянские части, защищавшие на своей земле свой народ от жестоких захватчиков,

несших народу Карабаха физическое уничтожение? Почему было уничтожено множество армянских сел вместе с их населением, а тюркские села никто не сжег и население их никто не уничтожил? Тюркская часть Шуши сохранилась, а что стало с армянской частью города?

На эти вопросы авторы "исторических" работ, выпускаемых в Баку, отвечать просто не желают. Между тем напрашиваются крайне простые ответы, ибо именно турко-мусаватисты и иже с ними ставили своей целью уничтожить армян Карабаха, как было сделано в Западной Армении и Киликии, как делалось в 1918 и 1920 году в Восточной Армении. Армяне же защищали свои очаги, они воевали не с тюркским азербайджанским народом, а с войсками турко-мусаватистов. Поэтому у тех, кто старается выдать события в Карабахе 1918—1920 году за "обоюдную межнациональную вражду", спровоцированную "националистами — дашнаками и мусаватистами", нет на это никаких оснований.

Конечно, были отдельные случаи насилия со стороны наших солдат; по отношению к пленным, например. Но характерно, что при попытках расправ, самосуда, сами наши солдаты и офицеры часто останавливали ослепших от гнева своих товарищей. Не раз мне приходилось быть свидетелем того, как офицер направлял ствол револьвера на кого-то из своих подчиненных, кто хотел расправиться с пленным или мирным жителем-тюрком. "Это не дело армянина — резать безоружного, — говорил офицер, — мы воюем не с тюркским народом, а с турецко-мусаватистским деспотизмом, с пашами, ханами, беками и их бандитскими сворами..."

Известно, что турко-мусаватисты предавали огню и мечу множество армянских сел. Дома разграблялись, а жителей убивали всех — от мала до велика. Резали, расстреливали, кололи штыками, рубили топорами на части. Страшную картину представляли собой разоренные турко-мусаватистами села, где нам приходилось бывать. Колодцы, забитые трупами, ужасающий запах, заражавший воздух в округе, разрушение и смерть. Это был самый настоящий геноцид, то же самое, что происходило в других районах Армении, где побывали убийцы в мундирах турецкой армии и сопровождавшие их повсюду банды грабителей из фанатично настроенных мусульман.

Армяне, если бы они хотели того, могли неоднократно предать огню и мечу тюрков Карабаха, тем более, что те составляли незначительное меньшинство. Как раз один из таких эпизодов мог произойти при отступлении нашего отряда из Карагишлага в Шушу. Так почему же этого не случилось, если следовать логике нынешних азербайджанских "ученых"

типа Ф. Шушинского? Почему при нашем отступлении не было разорено ни одного тюркского села, почему наши солдаты не трогали мирных жителей? Да вспомнить хотя бы того самого чабана-мусульманина, того курда, который выдал мусаватистам информацию об отступлении нашего штаба. Что бы сделали те же мусаватисты с каким-то стариком-христианином при отступлении со своих позиций. Неужели они бы его оставили в живых? Конечно, нет.

Во время войны мы не забыли, что мусульмане, в конечном счете, и сами страдают от турок и мусаватистов, и проводить знак равенства между мусульманским народом и паразитирующей на нем верхушке ханов, беков и мулл мы не собирались. К сожалению, сами тюрки были народом весьма отсталым, почти поголовно неграмотным, а кроме того — фанатичным в вере. Это в значительной степени облегчало мусаватистам натравливание простых турок на армян и прочих христиан.

...Внезапное отступление зангезурцев долго еще не оставляло меня в покое. Уже в 1923 году, после того, как в ноябре месяце я мобилизовался из Красной Армии, я поехал в Тифлис, чтобы повидаться с дядей Михаилом Осиповичем, которого я не видел много лет. Он жил на улице Великокняжеской, на втором этаже дома 71. Когда я поднимался по лестнице, навстречу мне вышел дядя Мухан. Мы обнялись, затем, зайдя в квартиру, мели на диван и дядя стал расспрашивать меня о прошедших событиях, о смерти отца, о том, как нам удалось спасти семью во время гибели Шуши, о том, как после советизации мы с матерью, братьями и сестрами переехали в Баку, и о многом другом. Я ему обо всем рассказал.

Потом дядя спросил, получил ли я тогда, в 1918-м карабин, который он послал в подарок с прапорщиком Аветисом, — с согнутой рукояткой, о котором я как раз мечтал. Я ответил, что получил: "Сразу после получения твоего подарка я сейчас же оставил свой старый и стал носить новый карабин. Бойцы и офицеры смотрели и любовались модернизированным прицелом и мушкой, а в особенности согнутой рукояткой и складным штыком. Молодые бойцы все спрашивали: "А ведь согнутая рукоятка — не хорошо". Тогда я лег на землю, вложил патроны в магазин и быстро стал заряжать и разряжать, двигая пальцами, как положено. Они до тех пор не знали, что за вещь согнутая рукоятка, и как удобно при ней заряжать и разряжать карабин. Так что, большое спасибо тебе, дядя Мухан!"

Потом мы перевели разговор на злосчастный 1918 год. Я спросил о том, как же все случилось тогда, при наступлении на Зангезур, почему занге-

зурцы столь внезапно отступили? Ведь так хорошо все шло, а потом разведка сообщила о неожиданно отступлении зангезурцев...

Дядя подтвердил все сказанное мной. Он рассказал про своего комиссара Овака, который строил всяческие козни, уничтожал письма, вел агитацию среди солдат с целью сняться и уехать по домам, что некоторые тогда и сделали. А самое главное, сказал дядя, Овак пытался посорить его с генералом Андраником.

Дядя сказал, что отступление было специально подстроено местными горисскими руководителями с тем, чтобы оставить все оружие и военное имущество в своих руках.

Тут Михаил Осипович сделал паузу, схватился за лоб, словно хотел что-то вспомнить а потом поднялся со стула, вышел в другую комнату и вернулся с планшетом в руках. Сел на стул, вытащил какую-то свернутую бумагу, развернул ее и протянул мне: "На, Зарэ-джан, читай, этой мой оправдательный документ". Я взял бумагу, которая оказалась письмом Андраника моему дяде Михаилу Осиповичу. Письмо было написано мелким шрифтом, заверено подписью и маленькой круглой печатью. Эту маленькую короткую подпись генерала я очень хорошо запомнил.

В письме Андраник писал, что случилось недоразумение между ними, но он все узнал, как было на самом деле. О том, как комиссар Овак клеветничал на дядю, выставляя свидетелями горисских "тузов" и обвиняя в неожиданном отступлении Михаила Осиповича. Но Андраник пригласил к себе местных руководителей и богатеев, будто бы на совещание. А когда собрались у него 17 человек, то приказал закрыть двери и никого не впускать, а сам вытащил саблю и стал тупой стороной избивать их. Они стали просить пощады и все рассказали. Тогда генерал отпустил их, приказав больше не заниматься подобными вещами, и не возводить напраслину на действительно честных людей, а то, дескать, еще хуже будет.

Рассказав эту историю, Андраник просил извинения у дяди Мухана, что плохо подумал о нем вначале, и писал в конце: "Встретимся — поговорим".

Прочитав письмо, я спросил дядю: "А встречал ли ты позже Андраника?". "Как же, — сказал дядя, — мы с ним через месяц после этого встретились, несколько дней вместе были. А потом еще он жил в Тифлисе порядочно дней. Когда он уезжал в Америку, мы все вместе провожали его. там был и герой кавказского фронта генерал Ф. Назарбеков, да и вообще все известные знатные люди Тифлиса".

Так закончилась эта история с письмом. многие его видели и знают, что никакой вины Михаила Осиповича в том, что случилось во время наступ-

ления нашего отряда на Зангезур, не было. Много лет спустя, уже после смерти дяди и его вдовы — Евгении Федоровны Замнопуло, будучи в Тифлисе я хотел найти и забрать это письмо, которое, как я думал, могло сохраниться в числе прочих старых дядиных бумаг. Однако моя двоюродная сестра Нюра (Анна), — она уже давно переехала по другому адресу, — сказала мне, что мама уничтожила все старые документы дяди. Это было еще в 30-е годы, когда уже начинались репрессии, и тетя Жень боялась, что ее с детьми, как членов семьи офицера старой армии, могут преследовать.

Как бы там ни было, но неудачная операция стоила нам многого, ибо мы не получили столь необходимое нам тогда оружие и отступили, оставив туркам села Карагишлага. Несомненно, что провал той операции осложнил наше положение и в значительной мере подорвал боевой дух наших бойцов.

6. ТУРЕЦКАЯ АГРЕССИЯ В КАРАБАХЕ ПОСЛЕ ПАДЕНИЯ БАКИНСКОЙ КОММУНЫ

После падения Бакинской коммуны и занятия турками Баку 15 сентября 1918-го для армян тех местностей Закавказья, которые попали под контроль мусаватистов или были блокированы ими, как это было с Карабахом, начались очень нелегкие времена. После разгрома коммуны турко-мусаватисты решили установить свою власть во всех тех районах Закавказья, которые, как они считали, должны принадлежать им. А таковыми они, по сути дела, считали все Закавказье, включая, естественно, и наш армянский Карабах.

У турок и мусаватистов были развязаны руки. Решив раз и навсегда покончить с армянами, они направили крупные и хорошо вооруженные части в Карабах. Ведь теперь, после падения Баку, им ничто не угрожало с Востока. Многочисленные части турецких войск и отряды мусульман, вооруженные с помощью турок немецким оружием и руководимые турецкими, немецкими и австрийскими офицерами, были брошены на армянские районы Восточного Закавказья, отрезанные турками от недавно созданной Арагатской (Армянской) республики. 22-го сентября 1918-го

года четырехтысячный отряд под командованием Нури-паши, сводного брата Эвнера-паши, поддержанный формированиями мусаватистов, начал наступление на Шушу по дороге Агдам-Аскеран-Шуша. На их пути стояла Аскеранская крепость, которая перекрывала дорогу на Шушу. Крепость защищал небольшой по численности отряд наших войск. Наши солдаты не имели ни пулеметов, ни орудий, подошедшие же турки были прекрасно вооружены, имели мощную артиллерию германского производства. Натолкнувшись на сопротивление защитников старой крепости, турки стали вести артиллерийский огонь, разрушая стены. Артиллерия и решила исход боя: наши вынуждены были отойти. Таким образом, турки прорвались в Нагорный Карабах по шоссе Агдам-Шуша, захватив дорогу и ряд прилегающих армянских сел. 25-го сентября они вошли в Шушу и заняли татарскую часть города. Оккупация сопровождалась расправами над армянским населением. На улицах города появились виселицы. Как ни странно, и в татарской части на виселице было повешено 19 человек — все татары.

Однако единственным успехом турко-мусаватистов было вступление в Шушу и оккупация города. Остальная часть территории Карабаха так и осталась неподвластной туркам.

Было заключено временное перемирие. По нему дорога Агдам-Шуша была открытой, правда, только для турко-татар. Армяне же по-прежнему были блокированы от внешнего мира плотным заслоном вражеских войск и враждебно настроенным тюркским и прочим мусульманским населением. Что касается восьми армянских сел близ Аскерана, занятого турками, то их население сохраняло свое оружие. Вместе с тем оговаривалось, что армяне, живущие в этих селах, не имеют права появляться за пределами своих населенных пунктов с оружием в руках и в военном обмундировании, равно как и турко-мусаватисты не имели права появляться в этих селах с оружием. Командование противника опубликовало специальное воззвание к армянам, требуя прекращения борьбы и сдачи оружия, обещая взамен обеспечить армянам спокойную жизнь, улучшить их быт и т.п.. Однако армяне ни на грош не верили этим лживым обещаниям, имея перед глазами пример 1915-го года, поведение турок на всем протяжении войны, их обращенные к армянам заверения, которые каждый раз оказывались ложью, имевшей целью сбить армян с толку, разоружить их, чтобы потом уничтожить.

Оружие не сдавать ни в коем случае, а борьбу с агрессором не прекращать — таково было единодушное мнение карабахцев.

Хотя в наших войсковых частях и было плохо с вооружением и боеприпасами, турки все же боялись наших ударов. А мы наносили их, где и когда только могли. Нападение на турко-мусаватистов происходило во всех районах, где те появлялись. Наиболее крупная стычка произошла в те месяцы в Мсманинском ущелье. Наши солдаты заманили туда 500 аскеров и наголову разбили их. Улизнуть успели только человек 20. Остальные полетели, оставив много оружия, боеприпасов и даже два артиллерийских орудия, правда без замков, которые турки успели куда-то спрятать.

Таким образом, борьба не утихла ни на минуту, а становилась все более ожесточенной. Нури-паша чувствовал себя весьма неудобно еще и потому, что в Зангезуре, в Горисе находился со своей пятитысячной добровольческой армией генерал Андраник.

Турки недолго пробыли в Карабахе. Их наступление было агонией. Несмотря на то, что турецкие войска по инерции продолжали занимать новые районы Закавказья, дошли даже до Дагестана, Османская империя фактически уже проиграла войну. Англо-французы теснили турок на всех фронтах. Особенно ускорился этот процесс после прорыва турецкого фронта в Палестине (где, кстати, как известно, важную роль сыграл добровольческий армянский легион). Вскоре до нас дошли известия о том, что союзники победили в войне и Османская империя капитулировала. Турецкие войска стали покидать Закавказье. При этом многие тысячи турецких солдат, офицеров и военных советников, равно как и немецкие офицеры, остались на службе протурецкого азербайджанского мусаватистского правительства, влившись в его армию, которой по-прежнему руководили фактически турецко-германские офицеры во главе с Нури-пашой.

* У дер. Мсман на территории нынешнего Мартунинского р-на НКР. Как видно из донесения Армянского информационного бюро в Баку от 23 февраля 1919, описанная стычка произошла в начале октября 1918 г. (См. "Нагорный Карабах в 1918-20 гг. — Ереван 1992, док. N 61, с. 97)

7. ПОПЫТКА ЗАХВАТА ШУШИ МУСАВАТИСТАМИ ВЕСНОЙ 1919 ГОДА

После отступления турок из Закавказья их место, как известно, заняли англичане. Они наводнили Баку и ряд других районов Закавказья. Запах нефти — вот что привлекало англичан. Известно, что нефть Баку составляла в то время 50 процентов всей ее мировой добычи. Естественно, что интересуясь бакинской нефтью, англичане стали поддерживать мусаватистов, забыв свои обещания всемерно помогать армянам, которые на всех фронтах пролили так много крови за победу союзников в мировой войне. На позициях вдоль армяно-туркской границы в Карабахе англичане расположили свои войска — в основном части из индийцев — сикхов, мусульман, буддистов. Однако толку от этих войск было мало, ибо они вовсе не стремились защитить армянское население от мусаватистских банд. Более того, вдохновленные заигрыванием с ними англичан, мусаватисты вновь взялись за реализацию своего старого плана — истребления армянского народа в Карабахе — от границы с Персией до Елизаветполя — Гандзак — Гянджи, Казаха и берегов Севана.

В мае-июне 1919 года турко-мусаватисты предприняли попытку расправиться с армянами Шуши. Командование в Баку объявило о готовящихся маневрах близ Шуши и в самом городе. Англичане в этом им не препятствовали. По сути же дела, речь шла не о маневрах, а о попытке вырезать армянское население Шуши.

В то время я как раз получил десятидневный отпуск из своей части домой и находился в городе, в доме родителей. Помню тот день очень хорошо. Я стоял на веранде нашего дома и смотрел на зеленую гору, где начиналась каринтакская дорога, ведущая в армянские села. На той же горе стоял тогда ресторан "Шуша". Ресторан в тот день был закрыт, и народу там не было. Я видел, как со стороны тюркской части города по левому горному хребту начались так называемые "маневры". Мусаватистские части начали подходить по каринтакской дороге, обходя ряд кварталов армянской части города. Дорога, ведущая в села, была труднопроходимой, но это была единственная трасса, по которой в случае опасности

* Это преувеличение. В 1906 году в России добывали 28,7 процентов нефти от уровня мировой добычи, причем около 94 процентов российской нефти добывалась в Баку. Таким образом, Баку давал около четверти мировой добычи нефти (Энциклопедический словарь Гранат, т.13, стр. 166)

могла бы эвакуироваться шушинская публика в сторону армянских сел. Мусаватисты, похоже, хотели "оседлать" эту дорогу.

Я четко видел, как офицеры и аскеры таскали станковые пулеметы и окапывались. Отец мой, Самсон Осипович, тоже молча наблюдал за всем этим, ходил взад-вперед по веранде и явно нервничал. Однако он был до того строг, что я не смел спросить его, почему он так нервничает. Стук железного молотка за воротами нашего дома вывел нас из задумчивости. Рабочий Мкртич открыл створки громадных ворот, и во двор к нам зашли трое, вооруженные маузерами, надетыми на кобуры-приклады и свисавшими у них с поясов. У отца с левого бока тоже висел маузер, но в кобуре. Из троих пришедших к нам я узнал одного — дядю Вануша.

Вместе с отцом все они зашли в нашу азиатскую комнату и стали негромко говорить о чем-то с отцом. Когда они вышли, нахлынули соседи и стали спрашивать отца: "Самсон Осипович, не видите, что творится там на горе, почему наши молчат?" Он их успокоил и сказал: "Я все вижу; идите спокойно домой и смотрите на гору без волнения. Мы им устроим такую свадьбу, какую кровавый султан Абдул-Гамид не видал за всю свою жизнь!"

Когда после ухода соседей отец встал и собрался уходить, я тоже поднялся, взял свой карабин и хотел было пойти с ним, но он мне не разрешил сделать это, а велел остаться дома и наблюдать за всем происходящим в бинокль. Сам же ушел. Я с досады чуть не заплакал. Все же примирился с этим, сел на стул, положил руки на перила веранды и стал пристально смотреть на гору, правда, без бинокля, так как все было хорошо видно невооруженным глазом.

Прошло примерно час-полтора после ухода отца, как вдруг я услышал громкое несмолкаемое "Ура-ура!" и увидел, как сотня наших бойцов и офицеров атакует мусаватистов из-за "Пиллер-тумба" — "Круглого бугра" и выходит на рукопашную. Я радовался: раз дело пошло на рукопашную, то победа определенно будет наша и бой будет выигран.

* В зажиточных карабахских домах того времени комнаты делились на "европейские" и "азиатские" — сообразно их интерьеру. Убранство азиатских комнат составляли тахта, ковры, на стенах висело оружие и охотничьи трофеи. Это была своего рода дань старине, экзотике. Повседневная жизнь семьи протекала в "европейских" комнатах; их обстановка отвечала городским представлениям о комфорте. В доме отца автора из 22 комнат 4 были "азиатскими" и 18 — "европейскими".

Мы уже упоминали, что турки и мусаватисты страшно не любили ближнего боя, и когда дело доходило до штыков, предпочитали ретироваться. При виде нашей штыковой атаки, их боевой пыл резко угасал.

Бой закончился за какие-то полчаса. Наши возвратились домой с пленным турецким офицером. Отец приказал дать турку стул, развязать ему руки и предложил кофе. Турок сел, но от кофе отказался. Отец мой, отлично владевший турецким языком, начал допрос. Пленный турок не хотел сразу говорить всю правду, а бойцы же, которые привели пленного, явно нервничали и бросали на него дикие взгляды, не предвещавшие ничего хорошего. Тем не менее, они побаивались отца и молчали. Отец тоже рассерчал и сказал турку, что если тот скажет всю правду, его отпустят на все четыре стороны, а нет, то тогда — тут отец выхватил маузер — он выпустит все десять пуль в грудь турку.

Тут турок несколько ожил и заговорил. Он сказал следующее: "Никаких учений и маневров не было. Было решено захватить дорогу в армянские села, а после захвата дороги, — тут турок показал на верхние ворота крепости справа от казармы — другие наши части должны были соединиться с нами о порохового погреба, запереть армян в мешок и начать резню. Ночью же должен был зайти в город четырехтысячный отряд и резню армянского населения закончили бы к утру".

"И ты, турок, говоришь всю правду? — спросил отец. Офицер встал, три раза поклонился и сказал: "Я говорил всю правду, что хотите теперь со мной делайте". Отец тогда поручил трем бойцам во главе с отделенным

Асланом связать турку руки и благополучно проводить его до тюркской части, после чего, развязав руки, отпустить у армянской церкви "Акулецуц". Отец сказал бойцам: "Он нам все сказал. Чтобы не был тронут ни один волос на его голове, а не то каждый из вас ответит своей головой, и в первую очередь ты, мой любимый Аслан".

Нам досталось два станковых пулемета, винтовки, револьверы и боеприпасы. наших было ранено восемь, из которых двое вскоре скончались, и погиб командир сотни, напавшей на противника, майор Баграт. Вот как это случилось. Когда, выйдя из-за холма, сотня полного Георгиевского кавалера Баграта неожиданно напала на растерявшихся турок, один из турецких офицеров прыгнул в только что вырытый окоп и начал стрелять. Майор Баграт направил на него ствол своего нагана и нажал на спуск, забыв в пылу боя, что его наган — не самовзвод, и в этот момент турок выстрелил в упор смертельно ранил его. Подоспевший отделенный Аслан словно кошка стремительно прыгнул в окоп и заколол офицера кинжалом,

затем, стал стрелять в убегающих аскеров. А майор Баграт (его звали тинский, т.е. из села Тыг) скончался.

Наши соседи приходили поздравить отца с победой, однако он их оставил, а сам ушел в больницу Джамгарянов навестить раненных бойцов, из которых двое к его приходу уже скончались.

После возвращения из больницы отец велел мне взять все на заметку и очень обрадовался, узнав, что до того, как он сказал, я уже кое-что и сам записал. Он прочитал, что я написал и своей рукой добавил те места, которые мною были пропущены, поскольку я всего не знал, а он, как один из непосредственных организаторов операции, был в курсе всех подробностей. А потом отец сказал: "Все, что случится и после, возьми на заметку, когда-нибудь понадобится". Так как я с малых лет любил историю, меня дома называли "маленьким историком", поэтому отец и требовал, чтобы я вел дневниковые записи.

...Героя майора Баграта, полного Георгиевского кавалера похоронили на кладбище погибших на войнах, и вся его сотня трижды дала залп.

Таким образом наша победа в тот день продлила жизнь города Шуши. В те же тяжелые дни, при полном бездействии англичан турко-мусаватисты устроили резню в ряде прилегающих к Шуше сел. В частности, было почти полностью уничтожено село Гайба лушен, где погибло свыше 700 человек — в основном женщин и детей.

8. ГИБЕЛЬ ШУШИ

13 марта 1920 года я находился в своей части, как вдруг меня вызвал к себе командир батальона штабс-капитан Гарегин и приказал, чтобы я готовился утром выехать домой к заболевшему отцу. На следующий день, 14-го я сел на своего коня по кличке "Шоколад" и отправился в Шушу. Вечером того же дня я добрался до нашего дома, где с прискорбием узнал, что в стычке с турко-мусаватистами мой отец попал под пулеметный огонь противника и был тяжело ранен четырьмя пулями.

Отец был уже очень плох к моему приезду. Раны были таковы, что надежды на его выздоровление практически не было. Увидев меня, отец притянул меня к себе и стал целовать. Потом он сказал: "За короткое время ты возмужал. Сын мой, вот тебе отцовский наказ: не расставайся с оружием до тех пор, пока в нашем Карабахе не останется ни одного врага".

Последующие два дня, 15-го и 16-го я неотлучно находился возле отца, как и другие члены моей семьи. 17-го марта состояние его здоровья резко ухудшилось. Отец позвал меня к себе и сказал: "Иди и пригласи соседа Арташеса с кларнетом". Я побежал и позвал дядю Арташеса, который сейчас же явился со своим инструментом. Отец, слабея, попросил того сыграть "Дле-Яман". При звуках музыки лицо его на какое-то время прояснилось, на нем появилась улыбка. С этой улыбкой он так и ушел от нас навеки...

Наш дом погрузился в траур. 18-го марта мы похоронили отца на верхнем армянском кладбище. Справили поминки. Однако поминать отца на 7-ой день смерти нам уже не пришлось, потому что день 23 марта стал поворотным не только в нашей судьбе, но и в истории всего города.

Перед гибелью Шуши произошло еще одно событие, которое врезалось мне в память. Я столкнулся с мусаватистским губернатором города, точнее — его татарской части, ибо армяне в своей части города сего губернатора не признавали. Хосров-бек Султанов — так звали этого зловещего человека, — злейшего врага армян и одного из главарей мусаватистов в этом регионе Закавказья. Султанов был ответствен за массовое уничтожение армянского мирного населения в тех районах Карабаха, которые удавалось, хотя бы на время захватить турко-мусаватистам. Это он отдавал приказы об убийствах стариков, женщин и детей.

Числа 20-го или 21-го марта, сейчас точно уже не помню, я пошел на базар купить мацони. Налил купленный мацони в небольшой глиняный кувшин и направился с базара в сторону аптеки номер 2, что рядом с базарным цветником. Там обычно собирался народ, чтобы поговорить на разные темы. В тот день тоже было народу немало. Все стояли и оживленно говорили, как вдруг что-то случилось и все стали смотреть в одну сторону. Я тоже посмотрел туда и увидел, как мимо шли несколько человек с вооруженной охраной. Я остановился и стал наблюдать. Все, кто сидел, встали на ноги, только один остался так же спокойно сидеть. Я знал сидевшего, — это был маузерист, которого звали Арменак Довлатуенц, или сокращенно Амо. Прозвище же у него было "асех-санджак цахох", то есть "продавец винтовок и патронов".

Начальник охраны Султанова (а это именно мусаватистский губернатор прошествовал по улице) подошел к Амо и спросил: "Почему не встаешь? Разве не видишь, что перед тобой генерал-губернатор Карабаха Хосров-бек Султанов?" На что сидевший маузерист спокойно ответил по-турецки: "А как мне узнать, что это генерал-губернатор Султанов? Может быть по его слепому глазу?" Действительно, Султанов был одноглазым; по этому поводу над ним часто издевались, придумывая разные анекдоты и шутки, далеко не невинные.

Тут же, по приказу начальника охраны, трое жандармов-тюрок схватили Амо и повели его вглубь татарской части города. Амо не оказал сопротивления, хотя был настоящим Геркулесом. Народ, стоявший у аптеки, ахал и охал, думая, что Довлатуенцу уже пришел конец, и никто его никогда больше не увидит, ибо "если его сегодня не пристрелят, то завтра повесят". Я, тем временем, с интересом наблюдал за эскортом Султанова и искал его самого, ибо никогда не видел, и очень хотел посмотреть на этого изверга. Тут вдруг я его увидел — признал по одноглазой физиономии. Султанов остановился и приказал охране разогнать собравшихся. Почему-то я вперился взглядом в глаз кровавого губернатора. Я видел, как из него медленно текла слеза. Впрочем, много времени, чтобы разглядывать этого людоеда у меня не было. В суматохе меня кто-то толкнул и я выпустил из рук кувшин с мацони, который упал и разбился. Раалившееся мацони залило тротуар, и я быстро повернулся и пошел прочь от этого места. Уходя, я по-прежнему слышал, как многие сожалели об Амо и говорили о его печальной участи...

Утром следующего дня я вышел из своего дома на улицу и неожиданно увидел дядю Амо, спокойно стоявшего невдалеке. Он жил недалеко от нашего дома, на улице Давыдовской. Я вначале не поверил собственным глазам, думал, привиделось мне, но все же это был он. Последние мои сомнения рассеялись, когда Довлатуенц подошел ко мне, поздоровался и спросил, когда мы будем отмечать седьмой день смерти отца. Я сказал, что 23-го марта. А потом спросил: "Дядя Амо, я вас вчера видел у аптеки..." Однако он мне ничего не сказал по этому поводу, а еще раз спросить я постеснялся. Правда, чуть позже мне рассказали, чем тогда кончилось дело. Оказывается, отойдя немного в сторону от охраны и свиты Султанова, Амо просто-напросто убил в короткой стычке всех троих охранников и преспокойно вернулся к себе домой. Мусаватистские же власти не смели проникать в армянскую часть города, — фактически, царило двоевластие,

* Народная армянская песня.

** Хосров-бек Султанов был генерал-губернатором Нагорного Карабаха, назначенным мусаватистским правительством при поддержке англичан

— а потому не только Амо, но и сотни таких же, как он, спокойно гуляли на воле.

...День 23-го марта выдался пасмурным и туманным. Это был последний день моего родного города. Надо сказать, что несмотря на войну, которой был охвачен Карабах, Шуша практически не пострадала. Существовала договоренность между Временным правительством Нагорного Карабаха и мусаватистским правительством, по которой, несмотря ни на какие стычки, город не должен был пострадать. Поэтому боевых действий в городе не велось, если не считать отдельных попыток турок, как это было весной 1919-го, когда наши разгромили противника у начала каринтакской дороги. Армянских частей в городе не было, турко-мусаватисты не совались в то время в армянскую часть города, в котором, как я уже упоминал, в 1919—1920 гг. фактически царило двоевластие: татарская часть подчинялась мусаватистам, армянская — Временному правительству Карабаха. Однако турки нарушили это соглашение и подготовили страшную бойню армянского населения города. Для этого был выбран день мусульманского праздника, когда религиозный фанатизм тюрок было легче раздуть и направить в нужное русло. Вышло так, что наши оказались на этот раз неподготовленными к организации грамотного и организованного сопротивления. Все части находились на позициях, ибо как раз в тот момент начались боевые действия на фронтах; в городе находились лишь отпуски, вооруженных людей было тоже не слишком много. Не было практически и офицеров, которые могли бы организовать людей. Словом, во многом нападение оказалось для наших неожиданным, хотя нельзя сказать, что никто, в принципе, не ожидал ничего подобного...

Рано утром 23-го марта я проснулся, услышав сильную стрельбу. Она началась по всей границе двух частей города — армянской и татарской. Одновременно начался пожар. Татары, увидев, что застигнутые врасплох, армяне не оказывают организованного сопротивления, начали поджигать дома. Ветер как раз дул в сторону армянской части города, пожарной команды в городе не было, да и что бы она могла сделать в такой ситуации! Дома в основном были каменными, однако деревянные крыши, веранды и перекрытия быстро загорались. Кроме того, в массе своей они были выкрашены масляной краской, что облегчало распространение огня, который выжигал всю внутренность домов, так что оставались одни остовы стен — без крыш, дверных и оконных рам, деревянных перекрытий и лестниц. Дома стояли близко друг от друга, и огненные языки легко перекидывались с одного здания на другое...

Под прикрытием огня турки продвигались вглубь армянской части Шуши, предавая огню и мечу не успевших отойти мирных жителей и грабя дома армян. В городе, как я уже говорил, было мало наших бойцов, а тем более — опытных. В основном, если и были, то молодые ребята или подростки вроде меня. Некому было возглавить нас и организовать оборону. Поэтому мы вышли на защиту родных стен небольшими группками, по 4—6 человек, стихийно, практически без всякого взаимодействия друг с другом. Направившись в сторону границы двух частей города, мы встречали наступающих татар, среди которых были и аскеры, и просто вооруженные жители, и вели по ним огонь. Нам приходилось стрелять из уцелевших домов, а когда пламя охватывало их, мы переходили в другое место, по-прежнему стреляя и медленно отступая в соседние дома, все дальше и дальше от границы двух частей города.

Пятеро бойцов, образовавших одну из таких групп, в числе которых был и я, постепенно отступили таким образом прямо к нашему дому. Он находился на расстоянии 100—150 метров от старого кладбища, граничившего с татарской частью, и был расположен в треугольнике, образованном улицами Топчинской и Давыдовской. Вокруг дома уже была слышна стрельба. Вместе с товарищами мы бросились к дому, и я стал выводить на улицу членов моей семьи, чтобы отправить их по каринтакской дороге прочь из гибнущего города.

Первой вышла моя мать с самым младшим братом Овсепиком на руках. Ему было тогда три-четыре года. Пули свистели в воздухе то тут, то там, и на лестничной площадке второго этажа одна из них попала в голову моему маленькому брату. Ребенок тут же скончался, а мать, увидев окровавленную голову сына, упала в обморок. Я остоленел от этой жуткой картины, но чувствам давать волю было нельзя, и с одним из товарищей мы мгновенно подняли мать и тело брата и отнесли в соседний двор. Потом я бегом вернулся и пытался вывести тетку моей матери Сафарянц Анну Павловну, 1860 года рождения. Тетя Анна с семилетнего возраста была слепой и все время жила в нашей семье. С трудом я вывел ее на лестницу и стал спускаться, как вдруг пуля угодила ей в грудь, и она тут же скончалась, у нас на глазах. Видимо, турки подошли уже близко и стали вести прицельный огонь. Я крикнул своим родным, чтобы они не выходили из дома, пока я не скажу; двое моих товарищей оттащили тело тети Анны и уложили убитую рядом с телом Овсепика на соседнем дворе.

Теперь нам было уже ясно, откуда ведет огонь противник, и мы открыли по нему огонь из винтовок. Я же в этот момент оставил товарищей, и под

прикрытием их огня вывел из дома братьев и сестер, потом привел в чувство мать. Было трудно владеть собой в эти минуты после всего, что случилось, но мысли о родных заставили взять себя в руки и хладнокровно спасать остальных членов семьи. Пули турок не тронули нас. Ребята, видимо, заставили противника прекратить прицельный огонь и те стреляли бестолково, для острастки. Мне удалось вывести мать с братьями и сестрами на каринтакскую дорогу, и они, вместе с другими жителями, покидавшими город, направились в сторону соседних армянских сел. С плачем и рыданием расстались со мной близкие: Бог знает, что могло случиться с ними, да и со мной тоже.

Однако нужно было возвращаться. В голове моей была одна мысль: отомстить сполна убийцам и поджигателям! Когда я вернулся к товарищам, они все еще находились у нашего дома. Мы решили устроить ловушку. С этой целью открыли ворота нашего дома, которые были широки настолько, что через них мог свободно пройти навьюченный тремя харами шелковичных коконов верблюд, а сами зашли во двор противоположного дома. Закрыв накрепко ворота соседского двора, мы спрятались за метровым забором из камня и приготовились к встрече "гостей". Было ясно, что они придут грабить, тем более, что наш дом был из богатых. Мы договорились не стрелять, пока они будут спускаться к нашему дому по Толчинской улице и когда завернут на Давыдовскую. Иначе они поняли бы, что их ждут, тем более, увидев трупы своих. Мы ждали, когда турки спустятся к нашему дому и зайдут через его открытые ворота во двор, так, чтобы с улицы их не было бы видно. Они-то нас не видели, а мы могли стрелять из-за забора противоположного дома через открытые ворота нашего двора, так что трупы турок оставались лежать во дворе отцовского дома и были не видны с улицы.

Так мы и поступали. Группа из 3-4 грабителей заходила через открытые ворота и направлялась к нашим лестницам; тут-то мы и снимали всех их дружным залпом из пяти винтовок. Ни один турок не ушел; мы убивали их во дворе и под лестницей и принимались ждать следующую группу "гостей".

Тем временем нас стало шестеро. К нам присоединился 16-летний Сурен, живший неподалеку. Вот что он рассказал нам: — Мы проснулись от выстрелов. Я и отец вышли во двор. Отец на секунду зашел в туалет, а я стоял у лестницы, как вдруг к нам во двор ворвались шестеро вооруженных турок. Я успел незаметно залезть под лестницу, так что они меня не заметили. Тут же отец вышел на двор; в эту же секунду трое турок

застрелили его. На выстрелы выбежала вся наша семья. Турки набросились на них. Сперва двое изнасиловали мою мать и тут же убили ее. Потом изнасиловали двух младших братьев и тоже убили. Изнасиловали старшую сестру и тоже убили. Один здоровый аскер взял затем за ноги мою трехлетнюю сестру Анаит и с силой ударил ее головой о стенку. Она вначале кричала, но когда этот зверь ударил ее головой о стену, из ее носа и рта хлынула кровь, и она затихла. Труп сестры турок выбросил к лестнице. Я хотел закричать, но потом овладел собой и умолк. Все, что я увидел, слишком сильно подействовало на меня, особенно, смерть малютки сестры. Когда они, ограбив наш дом, ушли, я подождал несколько минут и вылез из укрытия. Поцеловав окровавленное лицо сестренки, я вышел со двора и, услышав выстрелы у вашего дома, перепрыгнул через забор и пришел к вам. По стрельбе понял, что тут обороняются наши.

Перепрыгнув через еще один забор, я увидел вас... Нас стало шестеро, но для Сурена оружия у нас не было. Я спросил его, умеет ли он стрелять. Он ответил, что да, отец научил его, и он знает даже баллистику. Дома у Сурена были маузер и две винтовки, но все случилось так неожиданно, что никто не успел воспользоваться оружием...

Я показал ему на одного из убитых аскеров и спросил: "Можешь пробежать до него и взять у него винтовку и три патронташа? Только возьми именно у того, что с русским карабином, а другого не трогай. Не бойся, с тобой ничего не случится, если аскеры прорвутся к нашему двору. Мы их залпом снимем, а ты будешь в безопасности". Сурен согласился, и мы открыли ворота.

Он побежал и принес карабин, три патронташа и кинжал. Я велел стать ему между ребятами и сказал, что стрелять в аскеров, когда они на улице, нельзя, ибо тогда наша ловушка перестанет быть ловушкой. А стрелять только, когда они будут во дворе, ибо в противном случае следующие увидят трупы своих и все поймут. "Не торопись, — сказал я ему. — Можешь прицелиться не спеша и ждать команды".

Так мы и продолжили нашу охоту на "гостей" шестером. А Сурик потом остался вместе с нами и был хорошим бойцом. Он метко стрелял и каждый раз, когда попадал во врага, называл имена братьев, сестер и родителей убитых турками.

... Тем временем мы продолжали мстить врагу. Слева нас прикрывал дом Каринтакенцуунц Аракела, из двора которого мы стреляли. С правой же

* То есть Аракела из Каринтака

стороны опасности не было. Мы по очереди следили за этим направлением, но враг оттуда не появлялся. Видимо, с правой стороны наши оказывали сильное сопротивление.

К тому времени от дома на Топчинской загорелся второй этаж нашего дома, и вскоре пламя охватило громадную деревянную крышу второго этажа, приспособленную для сушки шелковых нитей.

Мы так увлеклись уничтожением врага, задержавшись почти на шесть часов у нашего дома, что совсем забыли об опасности окружения. Из забывчивости нас вывел грохот: громадная крыша нашего дома, охваченная пламенем, рухнула вниз на лестницу, а потом во двор, прямо на трупы убитых нами турок.

Вскоре нам стало тошно находиться в укрытии, — запах жареного человеческого мяса был непереносим. Кроме того, дом Аракела, со двора которого мы стреляли, начал гореть со стороны Топчинской улицы. Боясь окружения, мы отступили в соседний дом. У нас хватало боеприпасов, — предварительно мы забрали много патронов у убитых нами турок, делая время от времени вылазки, чтобы собрать боеприпасы. Мы брали патроны только у тех убитых, которые были вооружены винтовками системы Мосина — "русскими трехлинейками", ибо наши в подавляющем большинстве были вооружены такими же винтовками, а турко-мусаватисты — в основном винтовками системы "Маузер", которых у нас было не так уж много.

Таким вот образом мы отомстили врагу за моего отца, тетю Анну, Овсепика, родных Сурена... Стреляя и постепенно отступая, мы к вечеру оказались справа от Черкезовских магазинов и слева от "Скейтинг-ринга". Дальше мы должны были отходить к больнице Джамгарянов и Реальной училищу.

У черкезовских магазинов, рядом с пекарней, нам сказали, что исподалеку, в доме одного богача (забыл фамилию), накопилось большое количество эвакуируемых, но их задерживает бывший городской голова Гиги-ага и уговаривает остаться во дворе, — что с ними, дескать, ничего не случится и он их спасет. Все это вывело меня из терпения. Я хорошо знал этого мерзкого типа, и нужно было спасать людей, поверивших его болтовне. Мы вошли во двор дома, где толпилось множество людей самого разного возраста; женщины, дети, мужчины, старики... Увидев вошедших во двор шестерых вооруженных бойцов, Гиги-ага подошел и спросил, чего мы хотим. У меня вырвались следующие слова: "Наш командир приказал немедленно отпустить всех беженцев, он их ожидает на дороге в село

Каринтак: приказ надо исполнить". Услышав это, Гиги-ага снял с головы шляпу, ударил ею об землю и сказал, обращаясь к людям: "Господа, не слушайте их и никуда не уходите, я спасу вашу жизнь!" Тогда мои товарищи обратились к молодежи: "Ребята, кто хочет спастись от смерти, идите с нами". А я сказал бывшему голове: "Гиги-ага, вы погубили вашего сына, сами избежали смерти от дашнакской пули, а теперь хотите погубить сотни ни в чем не повинных людей (в громадном дворе собралось, наверное, человек 500-600). Вы-то сами останетесь в живых, а они будут вырезаны, как бараны". И добавил еще громче, чтобы все слышали: "Я вас спрашиваю, было ли такое, чтобы какой-то армянин, попавший к туркам или мусаватистам, уцелел от их ятагана?"

Кое-кто послушался нас и ушел с нами, но подавляющее большинство несчастных, одурманенных Гиги-агой, остались. Все они через несколько часов погибли в страшных муках. Спустя четыре дня после пожара и гибели города, среди беженцев мы встретили женщину, полусумасшедшую красавицу по имени Татевик. Она была среди этих людей и каким-то чудом спаслась. Вот что она рассказала нам о том, что произошло во дворе дома, когда туда пришли турки:

— Когда турки ворвались во двор, они стали хватать всех подряд. Женщин и девушек насиловали, самых красивых брали себе, а остальных убивали. Мальчиков тоже насиловали и убивали. Потом они стали расправляться с пленниками-мужчинами и юношами, которых предварительно связали. Их по очереди подводили к палачу, который сидел на табуретке в кожаном переднике, с острым ножом в правой руке. Первым к нему подв. ти священника Тер-Арутюна, статного и красивого мужчину с длинной бородой. Его руки были связаны за спиной, а на ногах были цепи. Палач повалил его на спину, голову положил на колено, затем взял священника за бороду и с видимым усилием отрезал тому острым ножом голову. Потом голову священника турки накололи на пику и носили напоказ по всем улицам татарской части города.

Потом, — рассказывала Татевик, — к палачу стали подводить одного за другим связанных юношей 15-20 лет. Когда подводили очередную жертву, палач брал обессиленного уже человека левой рукой за подбородок, сваливал на спину, голову клал затылком на свое колено, хватал двумя пальцами за ноздри, а правой рукой проводил ножом по горлу. Затем он отталкивал агонизирующее тело ногой, отбрасывая в сторону. Публика же, состоящая из тюрков, стояла и со звериным интересом наблюдала за происходящим. Таким образом на глазах татарской толпы было зарезано

60 юношей. Интересно, что по утверждениям многих, в частности самой Татевик, в толпе любовавшихся страшным зрелищем турок был и Асад Караев — тот самый переукрашенный мусаватист, который впоследствии был назначен по распоряжению из Баку председателем "ревкома" Карабаха, и делал всяческие гадости, активно препятствуя вхождению Карабаха в состав Армении, давал своим подчиненным разного рода злоешие указания и советы о том, как ликвидировать руководителей армян (все эти его высказывания и документы зафиксированы в исторических и партийных архивах и сегодня уже хорошо известны).

Татевик рассказывала нам дальше: "Когда к палачу привели моего 14-летнего мальчика с изуродованным лицом и телом, я вся задрожала, а когда палач положил его на спину, схватил за ноздри и полоснул по горлу ножом я закричала и упала в обморок". Рассказывая это нам, она неожиданно упала на землю и долго дрожала, как судорожная, а когда очнулась, сказала следующие слова: "Я спаслась не для того, чтобы жить. Бог меня спас, чтобы я рассказывала всем нашим соотечественникам о том, что творили изверги-мусаватисты с армянами Шуши".

Сам же Гиги-ага, как я и говорил, остался каким-то образом цел и невредим. Позже, уже после демобилизации из Красной Армии, я его видел однажды в Баку, у Молоканского сада. Противно было смотреть на эту сволочь...

Тем временем, когда мы покинули двор Гиги-ага, где находилось множество людей, агония города продолжалась. Мы видели, как шушинцы длинной вереницей уходили в сумерках по каринтакской дороге в сторону армянских сел, где их ждало спасение. Мы поднимались к дому мясника Аветиса — это был один из домов на окраине города, — когда вереница беженцев уже стала редкой. Те, кто остался в живых, покинули погибающий "Маленький армянский Париж", как многие называли Шушу. У дома Аветиса мы неожиданно встретили группу наших бойцов, прикрывавших отход беженцев. Один из товарищей по имени Норайр сказал нам: "Мы отступали, отстреливаясь, к пекарне-лавашной Худи-даи и Андербахчи, а потом вышли к Черкезовским магазинам. Когда мы оборонялись долгое время недалеко от Топчинской улицы, слева от нас мы слышали частые и дружные залпы какой-то группы наших. Они долго сидели в засаде, должно быть много турок уложили. Ребята стойко держались: с левого нашего фланга ни один враг не показывался. Когда же выстрелы с левого фланга прекратились, мы поняли, что наши отошли, и тоже стали отходить, тем более, что и дома вокруг загорелись..."

Тут Тигран из нашей шестерки сказал: "Бог мой, Норик, так ведь это же были мы! А справа от нас, значит вы находились, тоже нас прикрывали!" "Молодцы, ребята", — крикнул Норайр, а я сказал ему: "Теперь я понял, Норик-джан, почему наш правый фланг был так спокоен и враг оттуда не появлялся. Выходит, мы, не зная того, прикрывали ваш левый фланг, а вы — наш правый... Эх, если бы кто-либо из наших старших товарищей, опытный, организовал правильную оборону, имея связь между отдельными группами, тогда все по-другому пошло бы. А теперь все пропало, погиб наш город".

Тут я даже прослезился, чего не случилось со мной даже при гибели отца, брата и тетки Анны и при прощании с родными. Потом я успокоился и описал Норайру все происшедшее с нами, как мы оборонялись и отступали.

Так, разговаривая между собой, мы поднялись вверх по горе к самому ресторану "Шуша", откуда начинается труднопроходимая каринтакская дорога. Нас остановили наши старшие товарищи и предложили идти влево от горы вниз, в сторону татарской части, для пополнения рядов наших бойцов. Там происходила какая-то концентрация наших разрозненных бойцов. Офицер, руководивший отправлением последних беженцев, сказал, что нам сообщат о дальнейшем плане действий. Действительно, в 3.30 ночи (уже начался новый день — 24 марта) прибывший гонец сообщил, что надо идти обратно к каринтакской дороге. Он сказал, что из ближайших сел должны подойти 300 вооруженных бойцов, и что вместе с ними мы должны будем начать наступление на густонаселенную татарскую часть города. В темноте мы создали бы панику в рядах противника и постарались бы отогнать мусаватистов к русской церкви, а туда с другой стороны должны были ударить из засады еще 200 наших бойцов, чтобы зажать противника в клещи. Мы были обрадованы, что появился какой-то план, что кто-то взял на себя руководство боевыми действиями, однако в последний момент что-то изменилось, не знаю что. Во всяком случае, операция была отложена, и в 4.30 ночи мы получили приказ оставить город.

В подавленном настроении мы стали спускаться в сторону армянских сел близ Шуши. Город, разрушенный и сожженный, лежал под нашими ногами. Многие кварталы еще горели и пламя грандиозного пожара охватило окрестности города на многие километры. Кое-где внизу время от времени слышались выстрелы и неясный шум...

Вот так мы попрощались с нашей милой и родной Шушой. Городу моего детства так и не суждено было возродиться в последующие почти 70 лет советской власти. Каким он был до пожара 23 марта и что он представляет собой сейчас, общеизвестно. Трагическая гибель родного города оставила тяжелый и незаживающий след в наших душах, она больно отзывается и по сей день, спустя семь десятилетий после тех давних событий.

9. АРМЯНСКИЕ ЧАСТИ ЗАНИМАЮТ АСКЕРАНСКУЮ КРЕПОСТЬ И ВНОВЬ ТЕРЯЮТ ЕЕ.

В день гибели Шуши армянские войсковые части захватили крепость Аскеран, выбив оттуда турок. Захват этой крепости и очищение от турок Ханкенды планировался еще ранее — в феврале 1920 года. Я помню, как в нашем доме в Шуше состоялось тогда специальное совещание по этому вопросу. Намечалось поднять крупное восстание против мусаватистов. Таких восстаний было несколько, вследствие чего, кстати, в апреле 1920 года красные войска практически без боя заняли Баку, а потом и всю остальную территорию мусаватистского Азербайджана. Именно благодаря тому, что все войска турко-мусаватистов были брошены в Карабах. Армяне, по сути дела, отвлекли на себя все войска мусаватистов, что позволило Красной Армии без труда войти в Баку.

Бакинские правители надеялись весной 20-го окончательно расправиться с Карабахом, чтобы затем, имея прочный тыл, противостоять всеми силами вторжению красных, а в случае победы последних во всяком случае сохранить опустошенный Карабах за собой. Однако "Дракон Карабах", как говорили армяне о своем горном крае, застрял в горле у турко-мусаватистов, которые, потеряв множество аскеров, так и не смогли сломить карабахцев.

Но вернемся к совещанию, созванному в нашем доме. В большом зале второго этажа нашего дома собралось много военных, которые обсуждали вопросы предстоящего восстания. Я был отозван на пять дней из армии и выполнял функции стенографиста. Помню, как я важно с бумагой и руч-

кой в руках вошел в зал, и присутствовавшие стали в шутку аплодировать мне: "Пришел наш маленький историк!"

Потом все забыли обо мне и стали обсуждать план выступления. Разговор шел о том, в каком районе следует начать восстание. Хорошо помню, как представитель Араратской республики (Армении) товарищ Арсен требовал открыть три участка боевых действий: Ханкенды, Аскеран, Карабах-Гандзак. При этом он говорил, что на Шушу даже не надо будет наступать, ибо "турки там и сами сдадутся".

Против этого предложения выступили в том числе мой отец Самсон Осипович и майор Сережа Дали-Казар, командир одной из частей. Они потребовали начать выступление с города Шуши и быстро взять Ханкенды, а уж потом идти на Аскеран. Но уполномоченный Арсен упорствовал и не соглашался с ними. Наши говорили, что, в случае наступления армянских войск на других участках, в частности, на Аскеран, Шуша останется без защиты. Ведь всех офицеров и солдат перебросят на другие участки фронта и совсем некому будет защищать город. Уполномоченный продолжал упорствовать. Тогда майор Дали-Казар (Сережа) поднялся и сказал: "Ваше приказание я исполню, и возьму Аскеран, но знайте, что Шуша тогда останется без защиты и турки возьмут город. Им не нужно даже будет брать его с боем, а достаточно будет поджечь только, запомните мои слова". После этого майор встал и вышел из зала. После его ухода вновь пытались уговорить Арсена начать с Шуши, но тот остался при своем мнении...

Аскеран был взят нашими 23 марта 1920г. В тот самый день, когда погибла Шуша. Увидев огромное зарево пожара над окружающими город горами и узнав о происходящем в городе, майор Сережа повел свои части на приступ крепости. Ночным штурмом наши солдаты взяли Аскеран и три раза салютовали выстрелами из винтовок в честь этого. Во время штурма погиб один из наших знакомых — прапорщик Сагателян. (Именно он научил меня в свое время быстро перезаряжать винтовку с согнутым направо затвором.) Это произошло во время очищения фортов крепости от мусаватистских аскеров. Когда прапорщик подошел с пистолетом в руке ко входу в один из фортов, в дверях неожиданно появился турецкий офицер тоже с пистолетом в руке. Оба они одновременно нажали на спуск своих пистолетов и одновременно застрелили друг друга...

В то же время другая часть под командованием офицера по имени Алексан взяла приступом Ханкенды, обезвредив тамошний турецкий гарнизон. Однако при этом он допустил очень грубую ошибку, а потом и

* Туркское название армянского села Варараки. ныне г. Степанакерт.

сделал еще одну глупость, из-за чего и сам погиб. Прежде всего, он приказал оставить на месте артиллерийские орудия, захваченные нашими, хотя опытные солдаты и советовали ему оттянуть их вглубь расположения, чтобы турки во время контратаки не увели бы их обратно. Однако Александр не послушал и велел оставить орудия на месте.

Затем, когда он направился к окруженной нашими казарме, гарнизон которой заявил о сдаче, и вошел туда с саблей в руке, то вместо того, чтобы отправить пленных тюрок в тыл, он вдруг начал рубить их саблей. И тогда один мусаватистский офицер выхватил револьвер и застрелил Александра. Он и сам тут же был убит на месте, но Александр погиб совершенно напрасно.

Вскоре мусаватисты начали контрнаступление и посёлок несколько раз переходил из рук в руки. День был очень пасмурный и туманный, видимость была очень плохая, и случались такие эпизоды, когда, например, одно мусаватистское подразделение уничтожило по ошибке другое свое же подразделение, приняв его в тумане за противника. Похожие отдельные случаи были и у наших. Наконец, турки были все же отбиты, и Ханкенди остался у армянских солдат. Но все же враг успел, в ходе одной из контратак, снять с оставленных на месте орудий замки и унести их с собой. Вот во что обошлась нам грубая ошибка погибшего Александра.

Крепость Аскеран некоторое время оставалась в наших руках. После гибели Шуши армянские части фактически блокировали турко-мусаватистов в татарской части Шуши, поэтому командование мусаватистов стремилось прийти на помощь своим, взяв Аскеранскую крепость и открыв дорогу на Шушу. Оно предприняло крупное наступление на Аскеран в апреле.

Артиллерия противника методично разрушала стены крепости, нашим же, не имевшим орудий, ответить было нечем. Командующий отрядом майор Сережа Дали-Казар оказался как раз у бреша в стене, образованной турецкими снарядами, как вдруг очередной снаряд разорвался недалеко от него, оторвав офицеру правую ногу. Майор упал, обливаясь кровью, но сознания не потерял. Поняв, что вскоре умрет, майор подозвал к себе заместителя и передал приказ отряду отойти от крепости, разделиться на две части и занять позиции по обе стороны от дороги, чтобы не дать туркам возможности распространиться вправо и влево от дороги и не пускать их в армянские села.

Когда отступавшие солдаты хотели забрать с собой Дали-Казара, тот направил на них ствол маузера и велел оставить его на месте. Войска

отступили на указанные позиции, а майор все лежал на том же месте, будто умерший.

Убедившись, что защитники крепости покинули ее, турки со штыками наперевес направились к проломам. Когда аскеры приблизились к тому месту, где лежал, истекая кровью майор, последний неожиданно поднял свой маузер и меткими выстрелами уложил наповал человек 7-8 турок, а затем вставил ствол маузера себе в рот и нажал на спусковой крючок, пустив последнюю пулю в себя.

Так погиб майор Сережа, который часто говорил: "Я воюю не с турецким народом, с которым вражды не имею, а с турецко-мусаватистским деспотизмом; я враг их кровавых руководителей".

Озверевшие турки отрезали после этого голову храброго офицера и, надев на пику, носили ее по улицам Шуши, когда вошли в город.

10. ПРОРЫВ ВОЙСК АРАРАТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В НАГОРНЫЙ КАРАБАХ

Наша рота под командованием прапорщика Вазгена Минасяна стояла в районе сел Долаанлар и Старый Таглар в местечке Чатан-Даш. Здесь мы вели боевые действия против мусаватистов, опорным пунктом которых было село Даг-Тумас.

Боевые действия принимали порой весьма ожесточенный характер, вот почему на подмогу нам командование прислало в расположение нашей части кавалерийскую сотню. Ею командовал корнет Теван, и солдаты в армии прозвали эту сотню "Теванистами".

Когда войска Араратской Республики (Армении) под командованием генерала Дро (Драстамата Канаяна) и его помощников Нжде и Гиж-Манука разбили турецко-мусаватистский заслон близ армянского селения Хцаберт. Произошло соединение Зангезурского фронта с Карабахом. Турко-мусаватисты, считая очень важным участок фронта у села Хцаберт, перебросило и туда значительное количество войск, однако армянские части прорвали оборону противника, разбили заслон, и, войдя в Карабах, форсированным маршем двинулись к Гадруту. Войсковые части Карабаха с ликованием встречали своих братьев из армянской республики. Наша часть после прорыва армянских войск была введена в батальоны Нжде и Гиж-Манука.

Ситуация в этот момент, несмотря на достигнутые успехи, была весьма непростой. Накануне турко-мусаватисты в соответствии с заранее разработанным планом вклинились в Карабах и разрезали один из участков фронта надвое. В районе Шуши противник, хотя и с большими потерями, захватил село Каринтак, а затем вторгся на каменистое плато у селения Сыгнах. На другом участке фронта, в районе Елизаветполя (Гандзака-Гянджи), неприятелю удалось углубиться в нашу территорию и отрезать армянскую часть Гянджи от основной части Карабаха. Вследствие этого населению армянской части города пришлось организовать круговую оборону и защищаться от турко-мусаватистов, в ожидании помощи от армянских войск Карабаха.

В связи с создавшейся тревожной ситуацией командование приняло решение начать наступление на позиции противника в районе Сыгнаха с тем, чтобы выбить турок с каменных высот и заставить их отойти в село Каринтак (по татарски — Дашалты).

Наши объединенные части на рассвете начали наступление из села Сыгнах на вражеские позиции. Каково же было наше удивление, когда мы встретили ни единого выстрела со стороны мусаватистов. Более того, из одного окопа были подняты два белых флага. Посчитав это очередным обманом, офицеры приказали солдатам пойти в штыковую на окопы. Когда мы бегом двинулись вперед, выстрелов по-прежнему не было. Подойдя вплотную к окопам, мы увидели всего лишь взвод солдат противника с поднятыми вверх руками: турки просили пощадить их.

Командир неприятельского взвода турецкий офицер Мустафа Осман рассказал нам, что его командование, узнав о прорыве из Зангезура войск Армянской Республики под командованием Дро, начавших наступление на Шушу, приказало поспешно снять войска у Сыгнаха и уйти восвояси. Лишь один взвод был оставлен в заслоне. Как сказал пленный, они решили сразу же сдаться на нашу милость. "Ведь вы, христиане, не любите крови и не станете убивать пленных, — сказал офицер. — А если бы мы стали сопротивляться и убили бы ваших солдат, то нас могли бы всех перебить. А так мы надеемся на вашу милость". Естественно, пленных никто не трогал; их отвели в тыл.

11. СЛУЧАЙ С ЧАСОВЫМ

Весной 1920-го, в апреле, я находился на фронте в районе Даг-Тумас,^{*} Хцаберт — Доланлар^{**} — Чатан-Даш. Наш взвод стоял в селении Доланлар, разрушенном турко-мусаватистами. Мы занимали позиции на участке Чатан-Даш, и почти каждый день, а то и по несколько раз в день имели перестрелки и стычки с мусаватистами. Их оплотом было село Даг-Тумас, где засели наиболее ярые азербайджанские мусаватисты и турецкие эмиссары. Все время приходилось быть начеку. Мы тщательно охраняли наш участок линии фронта, особое внимание уделялось караульной службе.

Как-то раз, какой это был день (а точнее — ночь) не помню, подходит ко мне один из бойцов и сообщает, что наш боец Хорен, назначенный на пост, неожиданно исчез. Я очень удивился и спросил: "Как так исчез?" Тогда мне ответили, что как раз смена пошла сменить Хорена, а его нет на посту. Тут же я послал мое отделение группками по два человека искать пропавшего, и сам с двумя бойцами, — Ваго и Суреном — тоже отправился на поиски. Мы пошли на то самое место, где должен был стоять Хорен. Ночь была такая темная, что ничего не было видно, а кричать громко — звать часового — тоже нельзя, ибо турки могли быть неподалеку. Искали на месте — действительно, нет Хорена, как в воду канул. Прямо загадка. Хорен был крепкий и сильный парень, хороший боксер и борец, кроме того — хороший патриот своей Родины и сознательный человек. Так что сбегать с поста он явно не мог, и сделать нечто неподобающее — тоже. По-видимому, подумалось мне, враг утащил его с поста, взял в плен. Словом, загадка да и только.

Мы решили спуститься от бугра, где был пост, вниз. Сухие прошлогодние листья захрустели под нашими ногами. Стараюсь как можно тише ступать, сходим вниз. Осматриваемся — вокруг ни души. Нет нигде нашего Хорена. И вдруг видим, шагах в десяти-пятнадцати что-то зашевелилось и зашумело — какое-то большое черное пятно. Сделав несколько шагов в направлении непонятного предмета, мы вдруг опешили на миг. То был громадный медведь. Он держал Хорена в своих объятиях и не отпускал его, прижав к земле, а увидев нас, или почував наше присутствие, отпустил парня и бросился прочь. Хорен, каким-то чудом живой, вскочил на ноги,

* Село в Джебраильском районе Азербайджана
** Села в Гадрутском районе НКР

вытащил кинжал и побежал за зверем. Догнав медведя несколькими прыжками, Хорен воткнул кинжал по самую рукоятку в правый бок лесного чудовища. Зверь захрипел и заорал. Я сказал своим ребятам, что надо скорей помочь Хорену и прекратить медвежий рев, который мог привлечь внимание протвника. Мы втроем, с Ваго и Суреном набросились на медведя с ножами и быстро его прикончили. Тут подбежали еще двое из нашего отделения: Аслан и Тигран. Хорен, несколько пришедший в себя, опустился на землю и рассказал, что же на самом деле произошло.

Оказывается, он стоял на посту, лицом в сторону турок и внимательно прислушивался к каждому шороху. И вдруг почувствовал, что кто-то крепко обхватил его сзади и прижал к себе, да с такой силой, что и повернуться трудно. Хорен сразу понял, что это какое-то животное, но не мог даже повернуться, так как зверь держал его так сильно, что и рукой не двинуть. Кинжал не вытащишь, а в правой руке еще винтовка, тоже прижата к телу. Тут медведь — Хорен понял, наконец, кем он схвачен, поднял его в воздух и подошел к гребню бугра, по-прежнему прижимая бойца к себе. Через несколько секунд они покатались вниз. По-прежнему руки Хорена были несвободны, да и ноги медведь прижал крепко. Винтовка выпала и осталась на траве. Медведь, снова приняв вертикальное положение, отнес бойца на некоторое расстояние, потом опять упал и Хорен почувствовал, что ему стало чуть посвободнее. Зверь уже не столь крепко держал его и почему-то не торопился растерзать бойца. Все это продолжалось может быть минут десять, а потом и мы как раз подоспели. Тут-то медведь и дал деру, но далеко не ушел.

"Вот какое чуткое животное, сразу вас почувял, — сказал Хорен. — Я до сих пор в себя придти не могу, — аж весь вспотел в объятиях этого чудовища! А ведь кричать о помощи было нельзя, — враг мог услышать".

Тем временем, надо было что-то делать с тушей странного зверя, не спешившего "полакомиться" часовым. Целиком ее (не менее 250 кг) мы вряд ли сумели бы донести до казармы. Поэтому мы решили разделить тушу на четыре части. Так и сделали, предварительно сняв шкуру и отделив голову. Четверо ребят взяли по одной части, еще один взял шкуру, а я — голову. Хорен показал то место, где они катились вниз по склону бугра, мы поискали на земле и нашли винтовку.

Потом мы отправились в часть, и на месте стоянки я немедленно вызвал возчика и отправил с докладной запиской три части туши в Тагасер,* где

* Село в Гадрутском районе.

располагался тогда Нжде. Через день за этот дар командование объявило мне благодарность. Ведь наш батальон неделями не получал мяса, а тут сразу поступила такая туша! Но в самом лучшем положении оказалось наше отделение, которому досталась самая большая и лучшая часть — задняя ляжка. Целых три дня все мы просто обедали шашлыком из медвежатины. Настоящий праздник, тем более по тем голодным временам. Это был первый медведь, мясо которого я ел, а позже, с двадцатого года я и сам неоднократно охотился на этого зверя.

Случай с пропажей нашего секрета и воспоминания об истории с медведем надолго запали в память ребятам нашего отделения.

12. "ЯЗЫК"

Как-то раз меня и моих товарищей Сурена и Вагаршака отпустили на три дня в увольнение. (Это было в апреле 1920, число не помню.) Мы вышли из места расположения нашей части и гуляли по селу. Почувствовав запах свежего хлеба, исходящий от расположенной неподалеку тондырной, мы направились к ней, чтобы купить хлеба. Когда мы подошли, старуха-пекарь спросила нас, не дав нам и рта раскрыть: "Ребятки, хотите стряхнуть рубахи?" Я сказал, дескать, да, бабуля, стряхните, пожалуйста. Тут она взяла сначала мою одежду и встряхнула, потом Сурена одежду стряхивала, и, наконец, взяла гимнастерку Вагаршака. Когда она стала встряхивать ее, вдруг раздался оглушительный взрыв и в тондырной резко потемнело. Я быстро подбежал к старухе, которая упала навзничь и за ноги вытянул ее из тондырной. Она как была без памяти с гимнастеркой в руках, так и не отпускала ее, пока я вытаскивал ее на улицу. Мы облили ее водой и она очнулась, по-прежнему вцепившись в гимнастерку.

Когда старуха окончательно пришла в себя, мы тоже успокоились, стали выяснять, что же произошло. Оказалось, что в кармане гимнастерки Ваго был капсюль от "бутылочной" гранаты. И вот когда старуха встряхивала

* Тондырная — хлебопекарня, тондыр — печь для выпечки хлеба.

** Бутылочная граната — граната дистанционного действия в форме бутылки. Капсюль-детонатор (запал) к ней носили отдельно и вставляли в гранату непосредственно перед броском. Варыв капсюля не мог произвести большого разрушительного действия, но вполне мог вызвать психологический шок или оглушить.

гимнастерку, капсюль выпал и взорвался. Пожилая женщина от испуга потеряла сознание, а пепел из тондыра от варьва поднялся в воздух, — оттого так и потемнело в помещении.

Хорошо еще, что старуха не отпустила в этот момент гимнастерку, а то бы та сгорела, упав в тондыр, и наш Ваго остался бы без обмундирования по крайней мере на два-три месяца — ведь с одеждой в наших частях было очень плохо.

Такое вот вышло приключение. За всем этим мы даже совсем забыли, что собирались купить хлеб, и распрощавшись с бабулей пошли дальше. Только успели отойти немного от тондырной, как встретили адъютанта Нжде Арташеса. Он спросил нас, где находится наш батальонный и сказал: "Передайте ему, чтобы все бойцы были завтра в строю в девять часов и без опозданий". Мы поняли, что наше увольнение пропало, а посему снова вернулись в часть.

...Наутро наш батальон построился во дворе бывших казачьих казарм. Пришел Нжде. Он поздоровался и мы громко приветствовали его. Нжде приказал батальонному командиру Гарегину построить батальон буквой "П". Сейчас же батальон перестроился и Нжде, став в середине построения, громко сказал, обращаясь к нам: "Товарищи, нам нужен "язык". Кто согласится исполнить поручение и приведет пленного, получит от командования денежное вознаграждение и десять дней отпуска". После чего батальонный командовал: Желающие, пять шагов вперед!"

Тут же, практически не раздумывая, мы втроем — я и Ваго с Суреном — отчеканили пять шагов и застыли.

К нам подошел Нжде. Он положил мне руку на плечо (я стоял в центре) и спрашивает: Куда вы намерены отправиться за "языком"? Я ответил, что недавно мы находились на позициях у такого-то села, там сейчас многолюдно, и, как мне кажется, мы сможем найти то, что нужно. Нжде распорядился, чтобы нас обеспечили всем необходимым, и сказал: "Счастливо, ребята".

На следующий день рано утром мы отправились в намеченное место, выйдя на поле, стояли и обсуждали, куда направиться дальше, как вдруг из-за бугра показались аскеры. Они были прекрасно вооружены и тоже заметили нас. Мы залегли, а те, в свою очередь, спрятались за бугор и открыли огонь по нам. За нами тоже дело не стало, но перестрелка была бесполезной, ибо ни мы их, ни они нас не видели. Лежа, я внимательно осмотрел местность и наметил путь для захода в тыл аскерам.

Складки местности располагались весьма благоприятно для нас, можно было свободно маневрировать. Противника скрывал лишь большой бугор, который, хотя и надежно защищал его, но не давал свободы маневрирования. Вот я и решил выйти в тыл аскерам. Ребятам сказал, чтобы они зорко следили за аскерами и не позволяли им распознаться вправо и влево от бугра, а сам отполз метров на сто левее их укрытия. Очутился я на открытой местности: на моем пути было два небольших бугорка, удаленных друг от друга метров на 40-50. Пришлось все время ползти по-пластунски, прижимаясь к земле. Я пополз к первому из намеченных укрытий. Очень мешал маузер. В большой кобуре-прикладе он сползал влево и мешал моему движению; все время приходилось отбрасывать его на спину. Наконец, я миновал первый бугорок, дополз до второго. Тут я лежа отдохнул немного — минут десять. Окнув взглядом сделанный путь, понял, что взял в сторону метров на 150. Тогда повернул и пополз, заходя в тыл к противнику. Преодолев метров 80-90, остановился и с удивлением обнаружил, что нахожусь всего в метрах 50-60 от турок, за их спинами. Я спрятался за какой-то кочкой и увидел их как на ладони. Вижу, как мои "подопечные" лежат на расстоянии пяти шагов друг от друга и дружно дышат в воздух.

Я стал на колени и прицелился в одного из аскеров, который ругался матом по-турецки, что-то про Христов крест и "гююрскую" веру; нажал на спусковой крючок, и этот подлец, только что ругавшийся, на чем свет стоит, уронил голову на землю и затих. Его товарищи этого не заметили, и мне быстро удалось застрелить еще двоих: одного с левого фланга, другого — с правого. А потом встал во весь рост и по-турецки закричал что есть мочи "гаслим!", то есть "сдавайтесь". Тут оставшиеся четверо положили винтовки, молча встали и подняли руки вверх, не оглядываясь.

Потом крикнул ребятам, чтобы они шли к нам, но были наготове. Мои товарищи сейчас же поднялись и со штыками наперевес подошли к аскерам и командовали им отойти на пять шагов назад, то есть в мою сторону. Те послушно выполнили приказ. Потом Ваго подозвал к себе крайнего аскера, а Сурик стал его обыскивать. Отобрал у него три патронташа, кинжал и наган. Так они обыскали всех четверых. Всего мы взяли семь винтовок системы "Лебель", французских, семь кинжалов, семь наганов, и по три патронташа у каждого. Потом Ваго командовал пленным отойти еще на пять шагов и сесть на землю. Сам он стал собирать оружие, а Сурик, "Сатана", как его звали, со штыком наперевес следил за пленными. Я подошел к своим ребятам; осмотрев оружие, дал им по офицерскому нагану. Остальное мы навьючили на четверых аскеров и двинулись в путь:

впереди шел Ваго, сзади Сурик, а справа посередине не маленькой колонны — я.

Когда мы шли, я обратил внимание на то, что Сурен с последним аскером о чем-то говорят, но не придавал этому значения. Но вдруг услышал крик "стой!", "стрелять буду!", потом сразу выстрел, а за ним еще один. Тут же остановил пленных, приказал им сесть. Ваго наблюдал за ними, а я подошел к Сатане. Что случилось, спросил, зачем "языка" убил? Ведь это же "язык", их не убивают! А он говорит хриплым голосом: "Я его послал к моим родным, Зарэ-джан, не сердчай".

Я спросил Сурена, что же случилось. Он рассказал, что пленный заговорил с ним, а потом сказал: "Отпусти меня, я тебе дам 19 золотых лир". "А когда я заинтересовался просто так, дескать, где же они у тебя, он сказал, что в прикладе его винтовки, и тут же побежал в сторону, — сказал Сурен, — посчитал, что уже купил меня". "Побежал-то он быстро, как заяц, — продолжил Сурик, — если бы он остановился, я бы его, конечно, не стал убивать, а так — пришлось стрелять". На мой вопрос, почему он стрелял дважды, Сурен-Сатана ответил, что он сильно нервничал, думал, что не попал, потому снова стрелял; показалось — турок притворяется.

В прикладке одной из винтовок, действительно, оказались золотые лиры. Ребята по шесть взяли, а семь отдали мне. Затем ношу убитого разделили на три части и навьючили на оставшихся трех пленных. Потом двинулись дальше.

Когда подходили к армянским селам, глаза аскеров закрывали их же большими платками. Девушки и женщины из сел пытались было наброситься на пленных, но мы не разрешали им приблизиться к "языкам". Так и дошли до Гадрута, где в старых казачьих казармах находился наш штаб. Тут мы узнали, что штаб перебрался в село Саришен, куда мы и направились. Там встретил нас любимый наш командир Нжде, положил, по своему обыкновению, руки на мое и Сурика плечи, поцеловал всех троих и спросил: "У вас пленных трое, а снаряжение на семерых, где же еще четверо?" Я ему рассказал о нашей перестрелке, только не стал говорить об истории с Суреном, сказал, что все четверо погибли в коротком бою. И попросил Нжде разрешить нам взять два нагана (тогда простым бойцам не полагалось носить револьвер — их не хватало). Он разрешил и дал указание Арташесу оформить документы, вручив ребятам официально два нагана. Потом велел оформить отпуска всем троим на 10 суток и выдал нам деньги: мне пачку "десяток", а Ваго с Суриком по пачке "пятерок". То были армянские деньги — "чахарок" (до сих пор у меня в коллекции есть 7

десяток). "Езжайте по домам и вовремя возвращайтесь, — сказал Нжде напоследок. — Счастливо, сынки мои".

Мы отправились по домам, к своим родным, договорившись встретиться в назначенный день в селе Саркисашене, где у родственников находился тогда мой красавец-конь по кличке "Шоколад" — черный, высокий конь карабахской породы.

Ребята разошлись, а я направился в село Тагасер, что километров в трех от Гадрута. Там находилась моя семья, и множество других беженцев из Шуши. В здании средней школы им выделили место для временного жилья. Когда я подошел к кладбищу у края села, то увидел своих младших братьев, которые играли. Заметив меня, они бегом пустились в село, чтобы сообщить матери о моем приезде. Так что, когда я подошел к школе, многие беженцы вышли мне навстречу.

Ровно девять дней мы были вместе, веселились, как бы забыв на время наши потери. Матери я отдал пачку денег, золотые лиры и шесть николаевских червонцев, что были у меня. И сказал ей: "Майрик, расходуи бумажные деньги, а золотые держи при себе."

На десятый день я отправился в Саркисашен, повидаться с родственниками, увидеть моего красавца-коня и встретиться с ребятами. Когда конь мой почувал, что я пришел, он стал бить ногами и громко ржать. А когда я подошел к нему, стал меня целовать — тыкаться мордой.

Потом я встретил Ваго и Сурена, и мы пешком направились в часть. Шли при оружии и разговаривали. Мне показалось, что Сурен какой-то сам не свой, не в настроении. Я спросил: "Что с тобой, Сурик-джан?" Он помаялся, сначала не хотел говорить, но потом сказал: "Не хотел тебя огорчать, но должен сказать, что когда я эту сволочь укокошил, ты мне сделал замечание, дескать, зачем я убил "языка". А что было делать, коли он побежал? Да еще так быстро, как заяц! А если бы он ушел, что бы тогда мне сказал?"

На что я ему ответил: "Дорогой Сурик, ты же знаешь, как трудно добыть "языка", и сколько полезных сведений он может дать, только поэтому я сделал тебе замечание. Но тут другое дело, и забудь ты про все это. А ты все в душе таишь, нервничаешь напрасно. Прошу тебя, забудь и все". И я его троекратно и крепко поцеловал.

После этого он заметно повеселел и мы пошли дальше. Так мы и дошли вовремя, без опоздания в расположение нашего батальона.

* Село в Мартуниском районе НКР.

** Майрик (арм.) — матушка.

13. МЫ ГОТОВИМСЯ К ШТУРМУ ШУШИ, НО ОН ОТМЕНЯЕТСЯ

По приказу военного министра Араратской республики (то есть буржуазно-демократической Армении) наши войска стали готовиться к штурму города Шуши, от которого неразрушенной осталась лишь тюркская часть. С этой целью нас обучали действовать по картам, на которых был обозначен город и все дороги, ведущие к нему.

В Шушу вели три дороги, известные всем, но имелись также и три потайных прохода, по которым войска могли скрытно подойти ко всем городским воротам. Новый гарнизон Шуши не был осведомлен об этих подходах к городу. Что касается трех известных дорог, то о них можно сказать следующее. Первая дорога, труднопроходимая, вела прямо в верхнюю часть города от армянского села Каринтак. Вторая дорога являлась продолжением Зангезурского шоссе и вела к верхним воротам, называвшимся Эриванскими, вдоль верхнего армянского кладбища. Наконец, третья дорога вела к нижним, так называемым "Гандзакским воротам". Все эти три дороги были хорошо известны противнику и контролировались им.

Однако имеющиеся тайные подходы ко всем трем входам в город не охранялись противником, и, используя именно эти проходы, отдельные наши подразделения несколько раз делали пробные вылазки-маневры, занимая позиции рядом с ключевыми точками при входе в город. Наша часть однажды приблизилась прямо к "Пиллер-тумбу" (тогда, правда, атака велась непосредственно из города), откуда наши атаковали турко-мусаватистов весной 1919 года.

Мы хорошо видели даже охрану, расположенную у каринтакской дороги. Это были не мусаватисты, а русские красноармейцы. Красные части были приведены в город мусаватистами, выдававшими себя после взятия Баку Красной Армией за сторонников большевизма. Мусаватисты распространяли утку, будто армяне скоро займут Шушу, устроив резню татарского населения и красноармейцев. Удивительно, но командование красных частей вполне серьезно верило во все это и довело сию утку до сведения всех красноармейцев, чтобы те, значит, защищали тюрков и себя от армян со всей душой.

Каким же был план штурма Шуши? По тайным проходам войска должны были выйти вплотную ко всем городским воротам и приготовиться к

наступлению на город. Выдвижение частей происходило следующим образом. Сначала незаметно выдвигаются три отделения и быстро окапываются. Затем проходят три взвода и тоже окапываются, потом занимают позиции три роты. И наконец, все три батальона группировки выходят к горной части Шуши. Первый из них должен был развертываться направо от "Пиллер-тумба", чтобы сковывать действия охраны у каринтакской дороги. Третий батальон развертывается слева по гребню в обход порохового погреба на самый конец горы, откуда удобно контролировать Эриванские ворота и самое главное — казарму. Второй батальон группировки контролирует весь передний край с центром, соединяя фланги двух других батальонов.

Что же касается еще двух батальонов, которые должны были участвовать в штурме города, то они должны были производить демонстративное наступление: один со стороны Зангезурского шоссе вдоль верхнего армянского кладбища на верхние (Эриванские) ворота, а второй — вдоль нижнего кладбища на нижние (Гандзакские) ворота. Эта атака должны были нести отвлекающий характер, основной удар наносили три батальона со стороны каринтакской дороги.

В назначенное время из селения Сыгнах, откуда хорошо видна вся Шуша, горное орудие должно было выпустить три зажигательных снаряда по центру города. Это создало бы панику и одновременно пожар в центре города и в то же время служило бы сигналом к началу наступления. Батальоны должны были после этого начать одновременное наступление на татарскую часть. Верхние и нижние ворота, казарма остались бы отрезанными от этой части Шуши.

Штурмовая группировка была хорошо вооружена, имела пулеметы и горные орудия, командовали ею опытные офицеры. Однако штурм Шуши, который был бы на 100 процентов успешным, если бы состоялся, так и не был предпринят. Поскольку город охраняли уже не мусаватистские части, а красноармейцы, а генерал Дро имел четкое указание правительства Араратской республики не иметь никаких стычек с частями Красной Армии (по взаимной договоренности, достигнутой в ходе переговоров с представителями Советской России), штурм был отложен. А так как красные части так и остались в Шуше, то штурм вообще был отменен, дабы не идти на конфликт с большевиками.

Большевики заявляли, что части Красной Армии временно введены в "спорные" районы, чтобы избежать кровопролития, и что после завершения военных действий вопрос территориальной принадлежности этих рай-

онов будет решен в соответствии с волеизъявлением их населения. Что из этого потом получилось — общеизвестно — Карабах был включен, вопреки воле его населения (на 95 процентов армянского) в состав Азербайджанской ССР.

Части Красной Армии вошли в Шушу 12 мая по настоянию и требованиям бывших мусаватистов, перекрасившихся после взятия "красными" Баку в ярых сторонников большевизма. Зная, что вскоре должен начаться штурм Шуши, местные турки с хлебом-солью вышли встречать красных, которые пришли "защищать их от армян".

А утром 13 мая, я это хорошо помню, меня и моего товарища Корюна наше командование отправило в город на разведку, чтобы узнать какие части стоят в городе, есть ли там мусаватистско-турецкие части, принявшие "красную окраску", каково отношение их с красными.

Мы с Корюном пробрались в город, конечно, в турецкую часть, поскольку от армянской части города, уничтоженной 23 марта, остались лишь руины да голые стены 2-3-этажных домов с мертвыми провалами окон. Мы пришли к зданию Русской православной церкви, что находилась в татарской части и увидели грушку красноармейцев, сидевших возле крупнокалиберного крепостного орудия. Мы с Корюном уселись на ствол орудия и стали разговаривать с красноармейцами. Они сначала очень удивились, что нашлись, наконец, люди, с которыми можно было свободно говорить по-русски. Ведь практически все татары по-русски не говорили или говорили крайне плохо. Один из красноармейцев спросил нас, немного удивленный: "Вы турки?" Мы почти хором ответили, что нет, мы армяне. Тогда тот же боец сказал: "Что же вы армяне, такие нехорошие, что собираетесь вырезать всех местных татар, да и еще нас в придачу? Ведь вы христиане и мы, русские, тоже!" Тогда я с удивлением сказал: "Зачем же мы должны убивать наших братьев, ведь мы как раз так долго ожидали вашего прихода, защищая в неравных боях с турками и мусаватистами наш родной Карабах! Вы видите, что мы потеряли даже наш любимый город Шушу, посмотрите, что от него оставили эти изверги!"

Но тут в разговор вмешался третий красноармеец, который до этого молчал. Он как-то раздраженно произнес: "Вы все говорите неправду, вот ваши войска возьмут город штурмом и всех убьют: и жителей-турок, и нас". Тут нам уже стало ясно, что убеждать их бесполезно, ибо турецкая версия пустила достаточно глубокие корни и что личный состав частей Красной Армии, пришедших в Шушу, уже заражен лживой идеей, имеющей целью рассорить красноармейцев с армянами. Чтобы нас не заподоз-

рили, нам нужно было уходить. Я сказал на прощанье красноармейцам: "Прощайте, дорогие товарищи, мы уходим от вас как друзья". Я незаметно толкнул Корюна и мы быстро скрылись в развалинах армянской части города.

В разговоре с Корюном я сказал: "Видишь, как турки и мусаватисты натравливают на нас красноармейцев, а последние обвиняют нас в том, что мы собираемся убивать их и местное население..."

Числа 16 или 17 мая (сейчас уже точно не помню), меня вызвали к командующему Нжде, который лично повел меня к генералу Дро. Он представил меня, сказав: "Вот боец, который повезет письмо полковнику Егору Тер-Аветикяну в село Бананц." "Свободно можете вручить письмо..."

Дро был среднего роста, полноватый, с маленькой бородкой мужчина в штатском костюме. Вручив мне письмо, он спросил: "Есть ли у тебя конь, и сумеешь ли ты в течение полутора суток добраться до Бананца и вручить письмо полковнику Тер-Аветикяну?" Я ответил, что постараюсь, если конь мой меня не подведет и если удастся удачно проехать район Ханкенды.

Дро сказал также: "Устно передашь полковнику, что письмо из Эривани, от Рубена". Что было в письме, я, естественно, не знал. Уже через час я сел на коня и отправился в дорогу.

Путь мой пролегал через следующие населенные пункты: Тагавард, Ханкенды, Арачадзор, Геташен, Бананц. Иногда мне приходилось несколько удлинять дорогу, проезжая безопасности ради по густонаселенным армянским селам. Когда в Геташене я остановился, чтобы перекусить и покормить коня, из разговора с местным жителем вдруг узнал, что Тер-Аветикян находится здесь, в этом селе.

Таким образом мне уже не нужно было ехать в Бананц. Люди показали мне дом, где остановился полковник. На коне я подъехал к дому, у дверей которого стоял часовой с маузером. Я попросил передать полковнику, что его хочет видеть боец из Гадрута. После того, как я сдал оружие, боец провел меня в дом. В комнате сидели офицер с саблей без погон и еще один человек без кителя. Я, как полагается, отрапортовал и спросил, кто из них будет полковник Тер-Аветикян. Офицер с саблей показал на сидящего без

* Кадровый офицер, полковник карабахской армии.

** Село в Дашкесанском районе Азербайджана, до 1968 года армянское, по-турки называется Баян.

кителя, который поднялся и стал одеваться. Хотя был май месяц, но было очень жарко.

Я доложил все по форме и сказал то, что просил передать Дро на словах. Полковник вскрыл письмо, прочел, посмотрел на офицера с саблей, бросил задумчивый взгляд на письмо и спросил: "А где находится Дро?" Я ответил: в Гадруте, а Нжде в Тагасере, в трех километрах от Гадрута". "А ты в чьих частях?" — спросил полковник. Я ответил, что у Нжде. "Пешком пришел?" — продолжал полковник. "Нет, на коне". "Ты обратно не поедешь, останешься здесь", — сказал Тер-Аветикян. Потом повернулся к офицеру с саблей и сказал: "Инкер (товарищ) Сос, возьмишь его к себе".

С этого дня я поступил в распоряжение майора Соса, и под его командованием принимал в последующие дни участие в боях за Гандзак—Гянджу на новом для меня участке фронта.

14. ПОДАВЛЕНИЕ МУСАВАТИСТСКОГО МЯТЕЖА В ГЯНДЖЕ

Как мы уже говорили, в начале 1920-го года турецко-мусаватистскому командованию удалось разорвать фронт армянских частей Карабаха и, в частности, отрезать город Гандзак (Гянджу) от основной части Карабаха. Армяне Гандзака вынуждены были держать круговую оборону от мусаватистов в ожидании помощи карабахских войск. Мы уже говорили и о совещании, на котором планировалось ликвидировать создавшиеся бреши. Последующие события, включая гибель Шуши, изменили обстановку на фронтах, и лишь 26 мая 1920-го наши войска прорвали фронт противника.

Следует напомнить, что к тому времени на большей части территории мусаватистской Азербайджанской республики была установлена Советская власть. Однако далеко не на всей. Кроме того, советизация неодинаково затронула различные регионы края. По-настоящему, новая власть установилась лишь в Баку, ряде других местностей. Удивительно было и то, что она завязала чуть ли не дружбу с бывшими мусаватистами. Немало бывших руководителей этой партии "перекрасились" в большевиков, многие офицеры и даже высшие чины военных-мусаватистов и турок поступили на службу... в Красную Армию, и даже целые бывшие мусаватистские части и подразделения неожиданно "превратились" в части больше-

вистской армии. Тот же Нури-паша тоже остался на службе у красных. Впрочем, теперь, когда многое о тех временах становится известным, это уже не столь удивительно. Вспомните последующую эпопею с Энвер-пашой. Этот военный преступник, которого в Стамбуле, занятом союзниками, ждал военный трибунал и петля, нашел убежище не где-либо, а на территории Советской России. Он даже был приглашен в Баку на съезд "Народов востока". А в 1921 году ему разрешили с группой офицеров отправиться в Бухару, якобы, для установления там советской власти. Что было дальше, общеизвестно: Энвер поднял крупный мятеж, организовал самую большую за всю историю басмачества мусульманскую армию и целый год терроризировал Туркестан, заняв Душанбе, ряд крупных городов края, и даже отправил в Кремль наглый ультиматум, потребовав вывода всех советских частей из Средней Азии, угрожая, в противном случае, отправиться походом на Москву. Немало сил пришлось положить Советам, чтобы подавить авантюру Энвер-паши.

Любопытен и следующий факт: в Туркестане, на должностях военных советников, комиссаров и командиров многих советских военных частей, особенно созданных из местного населения, находились бывшие турецкие офицеры, бежавшие после разгрома Османской Турции в войне на территорию Советской России. Как ни странно, эти военные преступники не только были тепло встречены, но и удостоились важных должностей. Нетрудно догадаться, что после мятежа Энвера, все они, как один примкнули к мятежникам, порой со своими частями, и стали участвовать в разгроме советской власти, резне русских колонистов и местного населения, не примкнувшего к Энверу...

Стоит ли теперь удивляться тому факту, что та же картина, да в еще больших масштабах, наблюдалась в 1920 году в Азербайджане? Не только турецкие и мусаватистские офицеры и крупные военные чины были пригеты большевиками, но и немало крупных деятелей партии Мусават пробрались в советский аппарат (Асад Караев, Шахтагтинский и т.п.). Вспомним, что и сам Берия, агент мусаватистской разведки, начал свою деятельность в ЧК Азербайджанской ССР, откуда позже, по рекомендации М.Д.Багирова, занимавшего тогда пост председателя ЧК Азербайджанской ССР был послан на соответствующую работу в Тифлис...

Но вернемся к положению в Гяндже—Гандзаке. В городе находился отряд красноармейцев под командованием Г.А.Ширмахера. Основу же советских войск составлял 3-й полк. Он был полностью азербайджанским, и его солдаты и офицеры до этого преспокойно служили в мусаватистской

армии, а после установления советской власти, полк неожиданно стал "советским". С согласия армян этот полк как "красноармейская" часть был введен в нижнюю, армянскую часть Гандзака. Однако армяне, естественно, не слишком доверяли новоявленным "красноармейцам" — вчерашним мусаватистам и зорко следили за каждым шагом командования полка. Уже заранее стало известно о намерении мусаватистов поднять мятеж. На этот же день было намечено и начало наступления армянских частей под командованием полковника Егора

Христофоровича Тер-Аветикяна. Итак, 26 мая 1920 года на рассвете турко-мусаватисты подняли мятеж в Гяндже и во всем Азербайджане. В Гяндже они разоружили русских красноармейцев, большая часть которых была вырезана, а другие, во главе с Ширмахером посажены в тюрьму. Но в этот же день армянские части во главе с полковниками Павлом Тер-Саркисовым и Егором Тер-Аветикяном начали наступление на мятежников и прорвали фронт, а затем выбили

3-й мятежный полк из армянской части города в мусульманскую. В последующие дни армянские войсковые части вели упорные бои по очистке города от мятежников. Я тогда находился в эскадроне майора Соса, где командовал кавалерийской "десяткой". Вместе с другими нашими бойцами мне довелось принять участие в освобождении из тюрьмы Г.Ширмахера со штабом и других красноармейцев. Те были очень обрадованы, обнимали и целовали нас. Некоторые бойцы честно признавались нам, что очень удивлены тем фактом, что им приходится вместе с армянами воевать против мятежников. Ведь им вдолбили в голову, что армянские войска это "дашнакские банды", которые будут грабить и убивать бедное татарское население и резать красноармейцев. Утка, старательно раздуваемая мусаватистами и кое-кем из советского руководства, возымела свое действие.

Освобожденным из тюрьмы красноармейцам мы раздали оружие и вместе с нами они принимали участие в уличных боях. С 27 мая 1920 года схватки перекинулись в мусульманскую часть города. Бои велись на узких и кривых улицах города, так что большую часть времени мы сражались в пешем порядке, оставив своих коней. Рука об руку с нами воевали в те дни и красноармейцы, которых мы освободили (ими командовал Ширмахер). К 30-му числу город был освобожден, и лишь 31-го в него вошли части Красной Армии под командованием начдива Великанова (он удерживал железнодорожную станцию). Они пришли уже в очищенный нами от мятежников город.

К сожалению, в последующем, история подавления мятежа была "переплывана". Так, историк И.Л.Обертас в своей книге "Начдив Великанов" просто-напросто игнорирует факт наличия в городе армянских частей и то обстоятельство, что эта четырехтысячная армия в пятидневных кровопролитных боях разгромила мятежников в городе. Именно наши офицеры и солдаты. Если верить Обертасу, то выходит, что Ширмахер с красноармейцами, сидевшие в тюрьме, разоружили охрану, вооружились и вели бои в городе вплоть до прихода красных частей, которые разгромили мятежников. Интересно, как это все могло произойти и как горстка красноармейцев смогла столько дней воевать с многочисленными и хорошо вооруженными турко-мусаватистами. Ведь к приходу частей Великанова город был освобожден.

Обертас пишет о том, что "3-й мятежный полк был опрокинут из армянской части города в мусульманскую". Однако он вовсе не упоминает о том, кто же это все-таки сделал. Ведь части Красной Армии еще не подошли в то время к городу (а Ширмахер с горсткой красноармейцев сидел в тюрьме).

Словом, когда читаешь описание мятежа в версии Обертаса, возникает масса вопросов, на которые очень трудно найти ответы. Сразу видно, что историк или сознательно фальсифицирует историю мятежа или он пользовался недобросовестными источниками, которые искажают истинную историческую и географическую ситуацию, существовавшую в городе и прилегающих районах. Неужели Обертас не знал о существовании 330-тысячного армянского народа Карабаха и Гандзака, который не сидел сложа руки, а активно участвовал в подавлении восстания?

Итак, после нескольких дней боев мятежники были разбиты и стали в панике отступать из города. Часть их бежала в сторону гор, но была встречена нашей кавалерией — эскадрона майора Соса — которая отрезала им путь к отступлению и целый час беспощадно рубила отступавших аскеров.

Говоря о тех, кому принадлежит заслуга в деле подавления турко-мусаватистского мятежа, следует отметить полковника Павла Тер-Саркисова, командовавшего участком фронта Карабах-Гянджа, полковник Егора Христофоровича Тер-Аветикяна, его заместителя Мнацакана Аветисовича Оганесяна и начальника снабжения войск Арменака Шмавоновича Боряна. Вот те, кто в действительности прежде всего должны были получить ордена и благодарности за подавление восстания.

На второй или третий день после подавления восстания, точно не помню, на площади села Геташен состоялся большой митинг, в котором приняли участие офицеры и бойцы наших войск. Перед построеными офицерами и бойцами выступил полковник Егор Тер-Аветикян. Он поблагодарил солдат и офицеров за службу и неожиданно заявил, что собирается покинуть родной Карабах и уехать в Иран. Все удивленно смотрели на своего любимого командира, и лишь его офицер Мнацакан Оганесян по прозвищу Цакан произнес: "Инкер Егор, зачем ты говоришь это? Ведь ты сделал много хорошего не только для своего народа, но и для новой власти"! По мнению Оганесяна, командование 11-й Красной Армии должно было вынести благодарность полковнику за активные действия по подавлению мятежа и освобождению из плена красноармейцев. "Зачем же тебе покидать свой край, за народ которого ты воевал целых три года?", — продолжал Цакан.

Тогда Егор Тер-Аветикян, подняв голову, сказал тихим и подавленным голосом: "Мои дорогие и храбрые бойцы и офицеры, я лелеял мысль умереть в боях за мой народ, чтобы тело мое было предано родной земле, но, как видите, пули наших врагов миновали меня, и я остался жив и невредим. Но по всему я вижу, что наш любимый Карабах, который мы с такими трудностями отстаивали и отстояли, потеряв при этом десятки тысяч братьев и сестер, наш любимый город Шуши, не будет больше нашим".

Тут среди бойцов поднялся ропот и даже шум. Среди начавшихся разговоров и шушуканья неожиданно громко прозвучал голос командира нашего кавалерийского эскадрона майора Соса: "Дорогой наш товарищ Егор, Карабах никогда не будет чужим, и никогда за свое тысячелетнее существование никому не подчинялся кроме Матери-Армении! Даже во времена персидского владычества наши князья-мелики лишь платили Шаху символическую дань и были самостоятельны!" Со всех концов площади слышались аплодисменты и слова одобрения в адрес майора.

Полковник поднял руку, чтобы все притихли, и сказал: "Товарищ Сос прав, мы всегда были независимы, да и в данный момент не подчинены никому, но завтра будет именно так, как я сказал, и именно я буду расстрелян как раз за то, что спас вместе с вами много жизней красноармейцев".

Прервав его, Оганесян спросил: "Зачем же Советская власть будет тебя расстреливать? Ведь ты же много сделал для нее!"

Тер-Аветикян громко сказал на это: "В рядах большевиков сидят мусаватистские агенты наподобие Асада Караева и все, что я сказал, верно:

первым делом расстреляют как раз меня. Турки обманывали наших русских братьев в 1913–1914 годах, а теперь обманывают и Советскую власть. Возврата нет, и на днях я покину вас и уеду. Буду ли я жив и мертв, но сами увидите, что все сказанное мною будет верно. Прощайте мои офицеры и бойцы, мой героический народ!"

При этих словах полковник опустил голову и замолчал. Вскоре после этого Арменак Борян, директор десятилетней школы, начальник снабжения как наших, так и красноармейских частей сказал мне: "Зарэ-джан, то, что сказал Егор — все правильно, он ни в чем не ошибся. Наши русские братья очень близоруки: они за добро платят злом, а за зло — добром. Они еще не научились правильному возмездию. Но так или иначе, Нагорный Карабах и наш Гандзак передадут Азербайджану, а впрочем и уже фактически передали. И то, что Егора бы расстреляли, тоже правда. Он весьма правильно сказал, что среди большевиков много мусаватистов и турецких эмиссаров, они добьются его расстрела, да и не только его, но и очень многих армян. Не сегодня, так завтра или позже. Так что, пожелаем ему счастливого пути. Может быть, обстановка изменится и он снова вернется на родину. Дай Бог, если будет так!"

Вот так закончилась для нас эпопея на участке Карабах-Гянджинского мятежа мусаватистов. Думается, нет нужды останавливаться на опровержении совершенно несерьезных версий, выдвигаемых в последние годы советскими азербайджанскими историками, которые сознательно запутывая историю, говорят о том, что Нури-паша в союзе с дашнаками Дро, Нжде и Гиж-Мануком подняли антибольшевистский мятеж. Понятно, что турко-мусаватисты и дашнаки были злейшими врагами, и вовсе не могли выступать совместно. Тем более, что и армянские войска Араратской республики к тому времени ушли из Карабаха, ибо у Дро был приказ своего правительства не иметь никаких конфликтов с Красной Армией. Как раз воспользовавшись уходом Дро, мусаватисты и подняли мятеж, зная, что если бы Дро оставался в Карабахе, его войска помогли бы карабахским армянам. Для турко-мусаватистов все армяне были враги: они питали одинаковую зоологическую ненависть ко всему армянскому — будь то большевистское, дашнакское или какое другое. Недаром ведь они пытались более двух лет подряд потопить Карабах в крови, когда у власти там стояло Временное правительство края.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
1. Временное правительство Карабаха. Первые войсковые части	7
2. Как была снята "голодная блокада"	11
3. Мусаватисты громят и разоружают в Агдаме русский отряд	14
4. Наступление на Зарыслу	18
5. Наступление в сторону Зангезура и его провал. Мы оставляем Карагишлаг	22
6. Турецкая агрессия в Карабахе после падения Бакинской коммуны	29
7. Попытка захвата Шуши мусаватистами весной 1919 года	32
8. Гибель Шуши	35
9. Армянские части занимают Аскеранскую крепость и вновь теряют ее	46
10. Прорыв войск Араратской республики в Нагорный Карабах	49
11. Случай с часовым	51
12. "Язык"	53
13. Мы готовимся к штурму Шуши, но он отменяется	58
14. Подавление мусаватистского мятежа в Гяндже	62

Зарэ Мелик-Шахназаров

ЗАПИСКИ КАРАБАХСКОГО СОЛДАТА

Воспоминания участника событий
1918-1920гг. в Нагорном Карабахе

Рукопись подготовил к печати
Арсен Мелик-Шахназаров

Компьютерный набор, техническое
редактирование и верстка в системе
Херох Ventura Publisher

— Акопян Р.А., Аюнджян Ш.В., Аюпян А.Р.,
Шагоян Л.Р., Галстян Р.А.